

Личия Троици
Наследие Тубана
Серия «Девочка-дракон», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4940057
Троици Л. Девочка-дракон. Кн. I: Наследие Тубана: Центрполиграф; Москва; 2012
ISBN 978-5-227-03967-5
Оригинал: LiciaTroisi, "L'EREDITA DI THUBAN"
Перевод:
И. В. Павлова

Аннотация

София живет в сиротском приюте, ей уже тринадцать лет, и она потеряла надежду на то, что обретет семью. Но однажды к ним явился человек по имени Шлафен, профессор антропологии. Он заявил, что хочет удочерить девочку и забрать в свой дом на берегу озера. Профессор рассказал Софии, что она принадлежит к роду Тубана, – этот дракон победил и заточил в недрах земли жестокого Нидхогра, крылатую виверну. Спустя три тысячи лет Нидхогр вновь дает о себе знать. И вот теперь девочка-дракон призвана выполнить свою миссию – защитить мир от бесконечного зла.

Содержание

Пролог	4
1	8
2	15
3	22
4	27
5	30
6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Личия Троици

Наследие Тубана

Пролог

От последнего рева Тубана задрожала земля. Ослепительное сияние окутало высохшие ветви Древа Мира. Яркая вспышка озарила все вокруг, и поднялся невообразимый грохот.

Лунг сжался в комок, прикрыв ладонями уши. Он дрожал, потому что знал: этот гул способен снести все на своем пути.

А между тем вой стих и земля перестала дрожать. Юноша медленно приоткрыл глаза: сквозь поднявшееся на поле боя облако пыли он разглядел очертания стен и мраморные шпили крыш города. Дракония все еще была там: она сверкала ослепительной белизной на фоне свинцовых туч, готовых пролиться дождем.

Стояла мертвая тишина, словно весь мир замер в ожидании какого-то знака. Лунг, затаив дыхание, сидел за камнем, служившим ему защитой.

Он с ужасом смотрел на Тубана и Нидхогра, извивавшихся в яростной схватке.

Юноша видел, как при каждом столкновении все сильнее увядало Древо Мира, теряя одно за другим свои плоды. Лунг, парализованный от страха, что земля вот-вот лопнет от яростных ударов этих громадных тел, был не в состоянии вступить в единоборство. Он молил, чтобы поскорее закончилась эта схватка и Тубан одержал верх прежде, чем станет слишком поздно.

Возникшая в этот момент неестественная тишина казалась еще ужасней. Лунга одолевало дурное предчувствие, и в конце концов он решил высунуться из своего укрытия, чтобы посмотреть, что происходит. Нидхогр исчез.

И только Тубан по-прежнему возвышался над землей. Огромные перепончатые крылья дракона были изодраны в клочья, а по зеленой чешуе обильно струилась кровь.

Упала первая дождинка, и Лунг увидел, как его господин поднял свою морду к небу. Гром потряс горячий воздух долины, и вода наконец заполнила своим легким шумом неподвижную пустоту, окутавшую собой все вокруг. Глаза Тубана озаарились ликованием; затем почти бесшумно он упал на землю, покрыв своим телом почти всю равнину.

«Нет!»

Лунг, выскочив вперед, стремглав бросился по вязкой жиже и, приблизившись к дракону, упал перед ним на колени.

— Мой господин, что с вами? — закричал он дрожащим голосом.

Морда животного была величиной почти с половину тела юноши, и на его месте любой испугался бы при виде этих челюстей с плотными рядами острых как бритвы зубов. По бокам головы виднелись заостренные гребни, но Лунг не испытывал страха, для него это было лицо его друга.

Прекрасные голубые глаза затуманились, дыхание становилось все слабее. Юноша почувствовал, как слезы подкатили к его горлу. Он никогда не думал, что увидит великого Тубана, самого мудрого и сильного из всех драконов, последнего представителя их племени, в таком состоянии.

— Я это сделал, я победил его... — пробормотал тот чуть слышно.

Юноша с трудом узнал голос дракона, настолько он был слабым.

— Не тратьте свои силы понапрасну, мой господин, позвольте мне сначала помочь вам! — взмолился Лунг, положив руку на кожистый гребень животного. Осмотрев тело дракона, каждую его рану, он ощутил, как в нем нарастает отчаяние и затуманивается сознание. И хотя

охватившее его уныние было велико, надежда на то, что он спасет Тубана и все будет как прежде, у него еще оставалась.

– Послушай меня, Лунг, мне осталось уже совсем немного. Нидхогр повержен, но он жив. Мне удалось лишь загнать его глубоко под землю, в недра этой равнины. Чтобы добиться этого, мне пришлось потратить все свои силы, и для меня все уже кончено.

Нет, этого не может быть. После всего, что случилось, такого просто не должно быть.

– Вам нужно отдать свою жизнь Древу Мира и найти там утерянные плоды! Ведь вам еще многому нужно научить меня, и я...

– Лунг, – продолжил Тубан, – время драконов прошло. Отныне вам, людям, продолжать начатое. Древо Мира еще живо, но мне не удалось окончательно разгромить Нидхогра. Это не конец, а только начало...

Именно благодаря этим словам Лунг смог понять истинный масштаб происходящего. Привычный доселе мир рушился, и его господина больше уже не будет рядом с ним. Слезы покатились по щекам юноши помимо его воли.

Тубан закрыл на мгновение глаза, а затем из последних сил продолжил:

– Сейчас Нидхогр никому не сможет навредить, но однажды он снова проснется, и тогда наступит момент решительной схватки. Вам нужно быть готовыми ко всему, и даже к тому, чтобы отдать свои жизни.

– Но нам ни за что не сделать этого без вас! Без драконов Нидхогр и другие виверны одержат над нами верх!

– Ты ошибаешься. Мы, драконы, всегда будем рядом с вами. Некоторые уже нашли себе тело, в котором будут дожидаться того дня, когда Нидхогр взломает магическое заклятие и пробудится ото сна.

Лунг вспомнил давнее наставление Тубана ему, когда он был совсем ребенком и они еще очень мало знали друг друга.

«Некоторые из нас, перед тем как умереть, могут выбрать себе человека, в тело которого вселится их душа. Мы будем пребывать в ваших телах до тех пор, пока не найдем в себе силы воспрянуть ото сна и заявить о себе».

«Вот это как раз то, что мне и нужно», – подумал про себя юноша, встретившись глазами с драконом.

– Смерть четверых из нас была не напрасной, Лунг. Они вселились в души четверых людей и ждут своего пробуждения.

Юноша вытер слезы и полным решимости взглядом посмотрел на Тубана:

– Возьмите меня. Возьмите мое тело и живите.

Дракон молча склонил свою морду к нему.

– Ты так сильно меня любишь?

– Я люблю вас больше всех на свете.

– Если ты готов принять меня в себя, то твоим наследникам достанется тяжелое бремя. Мой дух перейдет твоим детям и детям твоих детей, и когда настанет час решающей битвы, я пробужусь ото сна и им придется вместе со мной сражаться против Нидхогра, ты это понимаешь?

– Вы, драконы, долгое время боролись за нас и за этот мир, так не пора ли теперь и нам принять в этом участие?! – воскликнул Лунг. – Я горжусь тем, что могу передать своим потомкам этот дар.

Тубан закрыл глаза и глубоко вздохнул:

– Раз ты сам этого желаешь, тогда положи свою руку мне на голову.

Лунг не заставил просить себя дважды и, глотая слезы, положил свою ладонь на лоб дракона, на голубой глаз, испускавший тусклый свет.

– Душа человека – это мир его чувств, мыслей, переживаний, она не имеет определенного местонахождения. В то время как душа дракона заключена в этом камне. Мы называем его – Оком Разума.

Когда все закончится и я продолжу свое существование внутри тебя, Древо Мира и Драконию исчезнут. Но тебе не нужно бояться, потому что они не растворятся навек. Они продолжат свои скитания в ожидании конца – вот тогда-то они снова вернутся на землю и мир драконов и людей станет одним целым.

Лунг с тоской подумал о Драконии, о ее мраморных улочках, об огромных дворцах, полных жизни. Он очень любил этот город, в котором вырос, и вот теперь юноше больше никогда не доведется увидеть его вновь. Лунг почувствовал в груди щемящую грусть, и все же он сохранил в душе последний милый сердцу образ своего прошлого. Он был готов.

Сначала юноша почувствовал тепло, отдававшее домом и любовью. Затем жар, который сначала медленно растекался по его руке до самого сердца, а потом и по другим частям тела. И тогда Лунг почувствовал себя так, как никогда прежде. Ощувив полное умиротворение, в какой-то момент он подумал, что отныне постиг все.

– Спасибо за все, сын мой. Если бы все люди были такими, как ты, то этот мир не был бы столь безнадежен.

Эти дошедшие до юноши разрозненные слова прозвучали откуда-то издалека. Лунг открыл рот, чтобы ответить, но внезапный холод заставил его убрать руку с камня. Вытаращив глаза, юноша увидел перед собой только безжизненное тело. Блестящая зеленая чешуя стала матовой и блеклой. Взгляд больше ничего не выражал. Юноша сразу сник при виде огромного тела Тубана, ставшего пустым и безжизненным.

Он протянул руки, чтобы еще раз обнять его, но прямо на его глазах дракон стал таять, словно дым, рассеивающийся в воздухе. Вот так и исчез мир драконов, растворившись, словно туман, среди бела дня.

И тогда Лунг дал волю слезам. Сначала это был только сдавленный стон, но потом он перешел в яростный крик, брошенный в набухшее от дождя небо. Юноша был в отчаянии.

Он попытался отыскать своего друга в недрах собственной души, но нашел там лишь гробовое молчание. Где же Тубан? Неужели он сейчас в нем?

Не успел он ответить самому себе, как внезапный грохот снова потряс землю. Лунг инстинктивно посмотрел в сторону города и увидел, как страшно закачались башни, а на землю посыпались отваливавшиеся куски мрамора, поднимая вверх клубы пыли.

Земля дрожала и трескалась под ногами, юноша зорко следил, чтобы не угодить в появившиеся расщелины. Затем раздался оглушительный гул, и Драконию начала подниматься вверх. Отделившаяся от поверхности глыба земли невероятных размеров увлекала за собой весь город и Древо Мира. Все пространство вокруг было заполнено грохотом падавших камней, но как только глыба задрожала в воздухе, показалось, будто Драконию вновь обрела устойчивость. Дворцы снова стали целыми, а их шпили перестали дрожать. Лунг наблюдал за тем, как воспаривший в небо город драконов, его дом, стала уносить невидимая сила. Эта глыба, находившаяся уже по меньшей мере метрах в десяти от земли, продолжала неумолимо подниматься все выше и выше. Она уносила с собой все, что было так дорого сердцу юноши. Лунг смотрел не отрывая глаз на этот огромный летающий остров, до последнего пытаясь разглядеть очертания башен и сияющих стен города. В его голове возникали образы, виденные им когда-то прежде, и другие, совсем незнакомые, которые, похоже, принадлежали не ему.

«Мой господин...» – подумал Лунг и поднес руку к груди. Затем облака поглотили Драконию, и кругом снова воцарилась тишина. Был слышен лишь шум дождя. Лунг почувствовал себя бесконечно одиноким. Всего в нескольких метрах от него открылся громадный кратер. Груда развалин – это все, что оставалось в этом мире от Драконии.

Юноша встал на краю кратера и заглянул в него, от увиденного сердце задрожало в его груди. Он наклонился, рукой облокотившись о груды камней. Дрожь пробежала по телу Лунга: там внизу, под землей, спал Нидхогр. Лунг чувствовал, что там затаилось зло, перевернувшее всю его жизнь.

Сжав в руке горсть земли, юноша поклялся: «Я всецело буду заботиться о вас, мой господин. Мы все будем это делать».

1

Один день в череде других

Дул ветер. Но это был вовсе не тот порывистый злой ветер, что спутывал густые вьющиеся волосы Софии. Это был приятный освежающий бриз, как тот, что дует на палубах кораблей.

Город погрузился в неестественную голубизну чистейшего неба. Его белоснежные башни, равно как мраморные фонтаны и роскошные сады, украшавшие площади и узкие улочки, сверкали под лучами солнца. София с восхищением смотрела на них, однако в глубине сердца ощущала глодавшую ее тоску. Все было слишком красивым и лучезарным, чтобы так продолжалось и дальше, девочка точно знала, что этот восхитительный спектакль рано или поздно канет в небытие, словно его никогда и не было.

Девочка летела, но странным образом она не испытывала при этом страха. Ступив на застекленный балкон, София смотрела на порозовевшие в лучах утреннего солнца облака. София страдала от ужасного головокружения даже тогда, когда поднималась на первую ступеньку лестницы. Но там, наверху, где легкий ветерок ласкал ее лицо, она всей грудью высунулась в пустоту. Земля и реки стремительно ускользали от ее глаз, в то время как город уносило в небо. Затем огромная тень упала на расстилавшуюся внизу зеленую лужайку. София подняла голову к небу, чтобы понять, что произошло. Солнечный свет ее ослепил, мешая рассмотреть, что же это такое возникло так внезапно над землей.

– Ну так что, ты поднимешься или нет?

Холод пробежал по рукам и спине.

– Мне надоело звать тебя дважды каждое утро и подниматься сюда, когда все остальные дети уже спустились.

София зажмурилась. Не было уже ни прекрасного города, полного солнечного света, ни огромной тени. Вместо этого, как всегда, белый потолок с пятнами плесени.

– Ну так что?

В поле ее зрения появилась тощая фигура Джованны. Ее возраст невозможно было определить, а может, она родилась уже старой? Джованна работала в приюте для сирот еще до рождения Софии. Она занималась всем понемногу: стирала, гладила, готовила – и рассказывала, что и сама была сиротой и будто бы пришла сюда еще ребенком, чтобы так никогда и не покинуть эти стены. София, глядя на монахиню, думала о том, что и ее ждет похожая судьба: ей суждено вырасти в приюте и смотреть на Рим через прутья решетки, а затем в один прекрасный день стать такой же сухой и язвительной особой.

Другие обитатели не упускали случая убедить девочку в том, что ее опасения справедливы.

– В тринадцать лет тебя никто не удочерит, будь уверена. Ты навсегда останешься здесь, – изрекал Марко, который при этом был дружелюбнее всех остальных воспитанников приюта.

– Извини меня, – пробурчала в ответ София и, поднимаясь, поставила на пол свои босые ноги. От соприкосновения с холодной поверхностью девочка вздрогнула.

– «Извини меня, извини меня»... Ты повторяешь это каждое утро, и каждое утро мне приходится вытряхивать тебя из кровати!

София не обращала на ее ворчание никакого внимания; Джованна повторяла это изо дня в день, такое общение у них было уже привычным делом.

– Иди умываться, иди же, потом я тайком принесу тебе один рогалик.

И это Джованна также делала всегда.

София поспешила в ванную комнату. Если что и было положительного в позднем пробуждении, так это то, что ванная была полностью в ее распоряжении. Девочке нравилось одиночество. Если бы ее спросили, что ей больше всего досаждало в сиротском приюте, то она ответила бы: невозможность уединения. Кругом всегда люди. С тобой в комнате спят десять человек, ты обедаешь в компании с сотней других воспитанников, учишься с остальными тридцатью и так далее. И только утром в ванной можно остаться наедине.

София встала к одному из умывальников и взглянула в зеркало: как и предполагалось, ее рыжие кудрявые волосы совершенно спутались и теперь напоминали круглую шапочку. Вот, оказывается, почему ей дали прозвище Тыква. Она внимательно посмотрела на веснушки вокруг носа в надежде не обнаружить там новые. Это была старая история; когда ей было пять лет, один приютский мальчик рассказал ей о девочке, у которой число веснушек стремительно увеличивалось до тех пор, пока они не покрыли собой все лицо и тело. Кожа у бедняжки стала как у отвратительного красного помидора, и с тех пор она не выходила из дому. Теперь София прекрасно понимала, что эта история была всего лишь шуткой, и все же страх, что подобное может произойти и с ней, продолжал мучить девочку. По этой причине не проходило утра, чтобы она внимательно не осмотрела себя в зеркале. Впрочем, с грустью признавалась она себе, лишь немногим вещам ей удавалось противиться. София верила в эту дурацкую историю с веснушками, страдала от головокружений препротивнейшим образом и была любимой мишенью для всевозможных шуток и колкостей у сестер приюта и его воспитанников из-за того, что не разговаривала с другими детьми. Она стеснялась общаться даже с самыми маленькими, и поэтому все то и дело посмеивались над ней.

Стоя перед зеркалом, девочка внимательно вгляделась в свои зеленые глаза и в маленькое родимое пятнышко на лбу между бровями. Пятнышко было слегка выпуклым, бледно-голубого цвета. Некоторое время назад сестры водили всех воспитанников приюта на регулярный медосмотр, и доктор долго, заинтересованно рассматривал эту странную родинку.

– Она всегда у тебя была?

София робко кивнула. Она и без того страшно боялась врачей, а этот к тому же проявлял к ней чрезмерный интерес. И девочка тут же заподозрила, что у нее какая-то очень тяжелая болезнь.

– Ты уверена?

София снова кивнула.

– Уум...

Это недовольное мычание девочка восприняла как смертный приговор.

– Следи за ним.

– А это опасно? – Голос девочки уже дрожал.

Доктор улыбнулся:

– Нет, нет. Просто за всеми родинками нужно следить. Если заметишь, что она растет, сообщи об этом наставнику и попроси отвести тебя ко мне, договорились?

И София следила, но пока никаких изменений не произошло.

Убедившись, что все в порядке, София встала под душ, наслаждаясь моментом одиночества. Однако повелительный голос Джованны вернул ее в реальность:

– Ну и что! Сколько еще это будет продолжаться? Давай пошевеливайся, тебя ждут занятия!

София вздохнула. Ее жизнь была книгой, в которой имелась только одна страница, повторявшаяся без конца. Даже сны у девочки были одни и те же. Летающий белый город снился ей почти каждую ночь, менялись только детали. Всякий раз, видя его во сне, София ощущала себя счастливой и печальной одновременно. Как прекрасно было то, что в этих снах она так не похожа на себя. Там София была другой, когда смотрела с городских балконов на простиравшийся внизу мир. И голова у нее не кружилась. А главное – она ощущала

уверенность в себе, и в голове ее не было ни грустных мыслей, ни забот. Девочка чувствовала себя в своей стихии, словно этот город был ее настоящей родиной, местом, откуда она была родом.

София натягивала свитер и штаны, перескакивая сразу через две ступени. Она влетела в столовую, едва не столкнув Джованну, которая несла поднос с капучино и рогаликом. В большом помещении стояла необыкновенная тишина, дети убежали на занятия, лавки сдвинуты в беспорядке, на длинном столе – грязные чашки.

– Уж на этот раз сестра Пруденция точно тебя накажет, а я буду стоять неподалеку и с удовольствием наблюдать, – буркнула Джованна.

Услышав эти слова, София залпом выпила свой кофе и, схватив рогалик, помчалась в аудиторию.

Едва девочка переступила порог, как директриса метнула на нее гневный взгляд. Казалось, один этот взгляд способен понизить температуру в помещении. Сестра Пруденция была женщина немолодая, но с крепким и прямым, словно камыш, телом. Руки она почти всегда прятала в черную тунику. Нахмуренные брови придавали ее лицу выражение необычайной напыщенности; когда монахиня была слишком раздражена, то поднимала одну бровь и тогда все присутствующие опускали глаза. Ее волосы были тщательно убраны под черно-белый чепец так, что не выбивалась ни одна прядь, и даже морщины у нее на лбу были прямыми, словно вычерченными по линейке. Она была одинаково требовательна и к себе, и ко всем воспитанникам заведения.

Женщина посмотрела на ручные часы на кожаном ремешке.

– Двадцать минут, – произнесла директриса.

София поняла, что на этот раз очень сильно разозлила директрису. Девочка почувствовала, как запылали ее уши и покраснело лицо, и ей страстно захотелось раствориться в воздухе.

– Вижу, что ты не в состоянии понять, что не права, и упорно продолжаешь вести себя как невоспитанный человек.

– Извините меня... – едва слышно пробормотала девочка.

Госпожа Пруденция, подняв руку, резко прервала ее:

– Ты повторяешь это каждое утро, и выражение сожаления уже потеряло смысл. Во время обеденного перерыва у тебя появится возможность поразмыслить над своими ошибками.

София прекрасно знала, что это значит. Она даже не попыталась протестовать.

– Ты будешь дежурить по кухне всю неделю.

Девочка открыла рот, но так и не промолвила ни слова. Она знала, что все это бесполезно. Однако непомерность наказания оказалась для нее настоящим ударом.

– Займи свое место.

Этот день не был унижительнее остальных. София успевала не хуже других и скорее относилась к числу средних учеников. Она была подвержена хронической рассеянности, но в том не было ее вины. Подперев щеку рукой, девочка полчаса пыталась запомнить каждое произнесенное слово, но потом мысли ее рассеивались, она предавалась мечтам. Частенько она придумывала иной сюжет для прочитанных ею книг, выдумывая новых персонажей и отождествляя себя с ними. По ночам она читала под одеялом с фонариком в зубах, то и дело прислушиваясь, не идет ли с обходом Джованна или другая монахиня. Те книги, которые ей нравились, фантастика или ужасы, ее преподавателям были не по душе, но девочка продолжала тайком добывать их. Все, что порождала ее безудержная фантазия, уводило девочку далеко от маленькой классной комнаты, холодной зимой и раскаленной летом, где она училась вместе с остальными воспитанниками приюта.

– София!

Девочка вскочила. Вот и сейчас, к примеру, она снова попалась. За мгновение до этого София еще находилась в аудитории и слушала преподавателя музыки, который рассказывал о Моцарте, а уже некоторое время спустя она вновь затерялась где-то в коридорах Венского двора, в сказочном дворце среди рюшей и кружев.

– Ну и?.. Ты ответишь мне или нет?

София отчаянно пыталась сообразить, о чем шла речь. Она пробежала глазами сначала по доске, а потом по физиономиям своих одноклассников. Но выражения их лиц ни о чем ей не говорили.

– Сальера¹, – услышала она шепот.

Должно быть, это был Марко, что сидел за партой позади нее.

София ухватила за эту подсказку как за спасительную соломинку.

– Сальера! – поспешила она ответить.

Класс разразился хохотом, в то время как преподаватель смотрел на нее совершенно невозмутимо.

– Ну, неужели? А я и не знал, что солонки так много понимают в музыке и что одна из них даже стала соперником Моцарта.

София покраснела до самых кончиков волос.

– Сальери, София, Сальери! Еще одна тройка, и, как вижу, вторая в этом месяце... – сказал преподаватель, беря в руки перо.

София села на место, успев подумать, что хорошо бы под партой внезапно развернулась пучина и поглотила ее. Однако, спохватившись, она не стала лишать себя удовольствия обернуться к своему злему советчику.

Марко лишь пожал плечами прямо перед ее полным отчаяния взглядом.

– Тыква, ты безнадежна, с тобой уже и не повеселишься, вечно ты попадаешь в какую-нибудь историю.

– София!

Девочка резко обернулась.

– Хочешь еще одну тройку или, может, все-таки прекратишь приставать к Марко?

– Но я...

– Веди себя пристойно и попридержи язык.

София подчинилась и отвернулась. Судьба, как всегда, была не на ее стороне.

Обед также принес мало радости. Во-первых, потому, что в этот день давали горох, а София ненавидела то, как его готовили в приюте.

– Ты не прочь поиграть немного, Тыква? – спросила ее одна девчонка, протягивая солонку.

И все вокруг разразились хохотом.

София пыталась сохранять достоинство.

– Это Марко подсказал мне такой ответ.

– Ну да... Тогда объясни нам, какое отношение солонка имеет к уроку музыки.

И снова все хором засмеялись.

София со вздохом принялась размазывать горох по тарелке, мечтая о том, чтобы все вокруг каким-нибудь образом улетучились один за другим.

Как бы то ни было, но после обеда стало еще хуже.

Джованна пришла за девочкой, когда большая часть детей уже покинула зал.

– Ну и?.. Почему горох остался на тарелке?

¹ Сальера – в переводе с итальянского «солонка».

София ограничилась молчанием.

– Тысячи людей умирают от голода, а ты едой разбрасываешься?

София с горечью подумала, что, наверное, даже голодные не стали бы есть этот ужасный горох. Затем она без слов встала и направилась к кухне.

Это место всегда казалось девочке похожим на ад. Все здесь было окутано паром, пропитанным запахом подгоревшего соуса. Содержимое огромных кастрюль бурлило без устали, а от плит исходил жуткий жар. Пол был скользким от воды, вытекавшей из старых посудомоечных машин, и София, поскользываясь на нем, не раз рисковала свернуть себе шею. Кроме Джованны здесь работала еще одна молодая невысокого роста молчаливая монахиня, Софию направили к ней на подмогу.

К счастью, когда девочка вошла в кухню, пар почти полностью рассеялся. Посудомоечная машина, как всегда, плохо выполняла свою работу, и прямо перед девочкой уже вышлась стопка тарелок, которые нужно было перемыть заново. София потратила на кухне значительную часть времени. По окончании работы у девочки звенело в ушах от непрерывной болтовни Джованны, на кухне от нее просто некуда было деться. Благодаря монахине выполнение уроков в общем зале больше уже не казалось Софии пыткой.

Это была большая комната с двумя столами и несколькими длинными лавками. Дети сидели через равные промежутки друг от друга и занимались посреди невообразимого гвалта.

София, как была в своем пропотевшем свитере, вся пропахшая кухней, так и вошла в зал. Не успела она открыть школьную сумку, как вдруг оттуда высунулась ящерица. Сидевшие рядом две девочки с криком вскочили на ноги. Животное бросилось наутек под хохот мальчишек и пронзительные девичьи вопли.

София успела заметить довольную физиономию Марко; без всякого сомнения, именно он и был автором этой проделки.

– Ну и что, София? Продолжаешь пакостить? – Как из-под земли выросла Джованна с метлой в руках.

– Я здесь ни при чем!

– Ну да, ты всегда ни при чем, однако стоит чему-нибудь приключиться, как ты обязательно оказываешься в самом центре событий.

– Я... – Слова застыли у девочки на губах. Не было никакого смысла доказывать свою невиновность. Нет ничего удивительного в том, что такие ничтожные люди, как она, постоянно подвергаются издевательствам. Поэтому она смиренно опустила голову и вытерпела нагоняй от Джованны, безжалостно распорядившейся удвоить время ее дежурства на кухне со следующего дня.

Вернувшись вечером в комнату, измученная София рухнула на кровать. Она наслаждалась тишиной и смотрела в окно на пожелтевшие листья большого платана. Небо стало темно-красным. Девочка обожала осень.

Лежа на койке, она принялась рассматривать пятна плесени на потолке, угадывая в них, как и в летних облаках, фантастические фигуры. Это был еще один способ уходить от тоскливой жизни, череды унижений, сопровождавших девочку с самого первого момента ее появления в приюте.

София была вся во власти своей грусти, когда в комнату вошла Джованна:

– Тебя хочет видеть сестра Пруденция.

Внезапно Софию объял страх. Весьма редко случалось, чтобы сестра Пруденция кого-либо к себе вызвала. В последний раз это произошло после того, как Лука украл что-то из кладовой. И это был единственный случай, когда мальчик в наказание получил подзатыльники.

– Меня? – недоверчиво спросила девочка, вставая с кровати.

– Именно так.

Переведя дух, девочка села на кровати. Голос Джованны выдавал ее обеспокоенность: она, должно быть, также подумала, что произошло что-то очень серьезное, и от растерянности обращалась к Софии без крика.

София осторожно слезла с кровати и пошла вслед за монахиней. Комнату девочки отделяли от кабинета сестры Пруденция два коридора и одна лестница, и это расстояние показалось ей бесконечным. Все это время она строила самые ужасные предположения относительно причины внезапного вызова.

Джованна тихонько постучала в дверь, и от этого звука все фантазии девочки вмиг улетучились.

Произнесенное директрисой «Пройдите» прозвучало мрачно и воинственно.

– Ну же, не бойся, – подбадривала ее Джованна.

София робко шагнула вперед. Никогда еще она не переступала порога этого кабинета. Все говорили о нем со страхом и благоговением, но лишь немногим доводилось побывать внутри.

Первое, что бросилось Софии в глаза, – это обилие красного дерева. Оно было повсюду: письменный стол, стоявший у стены, и книжный шкаф, битком набитый книгами, даже большое деревянное распятие, висевшее за спиной у монахини, – все было из красного дерева.

– Можно войти?

– Входи.

Сестра Пруденция сидела за столом над книгой, в которой что-то писала. София медленно вошла. Напротив стола директрисы стояло кресло, но девочка не знала, можно ли ей в него сесть. Это было большое красивое кресло, также красного дерева, обитое черной кожей.

– Присаживайся.

София послушно села. Как бы то ни было, ей не терпелось выполнить любое приказание директрисы. Сидя в этом внушительном кресле, она ощущала себя совсем маленькой и беззащитной.

Наконец сестра Пруденция подняла на нее глаза. У нее были узкие очки в золотой оправе. София впервые видела их на ней.

– Завтра у тебя будет свидание с одним человеком, поэтому ты освобождаешься от занятий.

Девочка оторопела. У нее не хватило духа задать вопрос, который так и вертелся на языке.

– Это один весьма уважаемый профессор, который хочет удочерить тебя.

Удочерить. Это слово обладало магической силой и было способно изгнать из головы Софии все прочие мысли. Даже страх куда-то улетучился.

– Удочерить... меня? – спросила она надломленным от захлестнувших ее эмоций голосом.

Сестра Пруденция многозначительно посмотрела на девочку.

– Да, тебя. Это профессор антропологии, и он вполне определенно просил встречи с тобой. Похоже, он был знаком с твоими родителями. Завтра он придет сюда, и если не возникнет никаких проблем, то совсем скоро ты вместе с ним покинешь наш приют.

Это был сон, и никак иначе. Оказаться за пределами приюта. Возможно даже, завтра вечером. Наконец-то она увидит Рим по-настоящему.

– А теперь можешь идти, – сухо произнесла сестра Пруденция.

София вздрогнула. Зябко потирая руки, она вскочила, второпях буркнула что-то вроде «Спасибо и до свидания» и направилась к двери.

Коридор был пуст. На его стенах отражался свет потолочных ламп. Девочка неподвижно застыла у двери. Только что произошло нечто невероятное. К ней никто никогда прежде не приходил. Никто никогда не смотрел на нее с интересом; она всегда была слишком робкой, слишком маленькой или слишком большой, чтобы какой-нибудь мужчина или женщина решились взять ее к себе и удочерить. И вот теперь появился какой-то профессор, который хочет забрать ее. София с трудом могла это себе представить. Воображение девочки рисовало смутную фигуру внушительных размеров, руку, вытаскивавшую ее из приюта, словно маленькую куклу из большого ящика.

2

Фея на берегу реки

Маттия пнул ногой валявшуюся на земле консервную банку, и она с жалобным звоном и стуком врезалась в сверкающий столб.

«Ну, прямо как у меня сейчас», – подумал мальчишка с некоторой досадой. Только что точно так же поступили с его сердцем, он пытался сдержать слезы, но это у него плохо получалось.

Время от времени ему приходилось смахивать их, прежде чем они успеют скатиться по лицу.

Все началось во время урока физкультуры. Он спустился в раздевалку спортзала с сумкой, в которой лежала спортивная форма, в самом благодушном настроении. Ну да, конечно, это был не самый лучший день, но, в сущности, он мало отличался от других. На перемене он в одиночестве перекусывал этим проклятым крекером, который мать упорно заставляла его есть: «В булочках столько всякой гадости! И потом, ты знаешь, доктор сказал, что тебе нужно худеть».

Поди объясни это ребятам из класса с обычными пакетами чипсов в руках. Довольно сложно заслужить благосклонность одноклассников, если ты пропащий зубрила. К тому же эти дурацкие диетические крекеры, которые «не обсыпаны солью», как гласит надпись огромными буквами на упаковке, сколько насмешек он вынес из-за них!

Когда он вошел в раздевалку, никто не обратил на него никакого внимания; и мальчик воспользовался этим, чтобы молча переодеться в углу. Он ненавидел своих одноклассников, всех до единого. Стройных, атлетически сложенных и хорошо одетых. В то время как ему приходится надевать поношенную футболку с изображением мышонка и полинявшие шорты.

Маттия безропотно оделся, готовый, словно мученик, принять на себя насмешливые взгляды Валерии и остальных. Его прозвали Свиньей, и ему нечего было возразить на это. Он знал, что толстый, а в этих шортах и вправду походит на поросенка.

Затем он достал футболку и только в этот момент заметил ее. Она была огромной, просто гигантской, и скрыть такую дыру не было никакой возможности. Хватило доли секунды, чтобы ее заметили и остальные.

– А ты что здесь делаешь, мышонок с тремя ушами?

– Глянь, какая дыра!

– Говорю тебе, это – мышиная нора. Мышонок и мышиные норы! – съехидничал одноклассник, выхватив у него майку, чтобы бросить ее другому мальчишке.

Маттия был в отчаянии, он не раз говорил матери, что ему нужна достойная физкультурная форма, но та была непоколебима: «Нам и так не хватает денег, так что пойдет и эта майка. Ты ведь надеваешь ее всего дважды в неделю, разве не так? И к тому же она прекрасно впитывает пот».

Злобные насмешки одноклассников все еще звенели в ушах мальчика. Маттия пытался остановить их, но кончилось это тем, что он как идиот носился из угла в угол раздевалки, тщетно пытаясь получить футболку назад.

– Ну же, учитель разозлится, идите же!

Так все и кончилось. Майка упала на пол, ребята в своих фирменных костюмах, продолжая над ним смеяться, побежали к выходу. Маттия поднял футболку, дыра зияла на ней как пробоина.

Худшее же, однако, произошло в конце урока. Чтобы избежать насмешек одноклассников в раздевалке, Маттия вызвался привести спортзал в порядок и последним покинул зал. Учитель воспользовался этим, чтобы отозвать мальчика в сторону, и ясно дал ему понять, что в следующий раз следует принести приличную форму. То выражение лица, с которым он смотрел на мальчика, когда сообщал ему это, было едва ли не презрительнее гримас одноклассников Маттии. В его взгляде сквозила жалость, с которой обычно смотрят на бедных. Однако не столько это расстроило мальчика, сколько голоса, донесшиеся до его слуха из женской раздевалки. Он сразу же узнал один из них. Джада.

Джада, без сомнения, была самой красивой в классе. Смуглая девочка с зелеными глазами и подкупающей улыбкой. В нее невозможно было не влюбиться. И в самом деле, все ходили за ней хвостом. Само собой, она и не думала даже смотреть в сторону такого неудачника, как он, но Маттия довольствовался тем, что смотрел ей в спину, когда та сидела за партой впереди него, и часами созерцал ее просто фантастически красивые длинные волосы.

– Значит, ты уезжаешь? – Это был голос Франчески, лучшей подруги Джады.

– Думаю, да, посмотрим, что будет дальше. – На этот раз говорила она сама. Ее речь звучала по-особенному, с этим восхитительным присвистыванием звука «с» и округлением гласных...

– Он заедет за тобой на мопеде?

– Конечно. Он сказал, что подъедет к воротам школы.

– Клево... Значит, он приедет сюда на глазах у всех.

– Точно.

– Ну а что твои?

– В это время они как раз работают. Они даже ничего не узнают.

– Один из старшеклассников... хотелось бы, чтобы мне так же везло, как тебе... только вот никто никогда не заедет за мной, разве что этот зубрила Маттия.

Маттия только вздыхал. Он был просто прибит жизнью, и не видно никакого выхода.

– Он хуже самого последнего человека на земле.

– Пожалуй, ты права.

– И потом, ты видела, какой он был сегодня отвратительный? Эта гадкая футболка... У его есть отец, мать?

– Ах, ты разве не знаешь? Мать тянет его одна... Кажется, его отец сбежал, когда та была еще беременна.

– Неужели?

– Да, да! По крайней мере, так рассказывала моей маме мама Марты.

– Неудивительно, что он такой странный... без отца... Кстати, ты видела, как он на меня смотрит?

– Конечно. Прямо как извращенец.

– Мне даже немного страшно. Знаешь, я, наверное, пересяду на другую парту: мне не по себе оттого, что он сидит за моей спиной.

Маттия вышел, не сказав ни слова. Пора забирать свой бесформенный рюкзак и сумку. Ничего так и не изменилось. К счастью, физкультура у них всегда была последним уроком.

Мальчику стало безразлично то, что на нем все та же неказистая одежда. Ведь Джада сказала, что он вызывает отвращение, разве не так? Маттия не был уверен, что, надев фирменные джинсы, он станет нормальным человеком.

Мальчик был подавлен, унижен и рассержен. Он был в полной изоляции и ненавидел весь мир. Он терпеть не мог свою школу, где хорошо учился и где все как один твердили, что его голова создана только для того, чтобы учиться. Но ведь у него есть не только голова, но еще и сердце. По крайней мере, до этого урока физкультуры оно у него было, и оно было переполнено Джадой, только ею одной.

Он отчаянно обижался на свою мать за то, что она, как и прежде, не понимает его и, чуть ли не считая слабоумным ребенком, упорно продолжает одевать в смешную одежду, в эти футболки с карикатурными изображениями, рассчитанными на совсем маленьких детей. Он страдал также из-за отсутствия денег, вследствие чего и покупалась одежда на барахолке.

Маттия пнул ногой камень, и тот, в довершение всех бед, угодил как раз в дверцу автомобиля. Сигнализация завывала что было мочи. И сразу: «Эй, кто это сделал?» Маттия не стал раздумывать и бросился вниз по ступенькам, что вели к плотине через Тибр. Он пробежал метров сто, пока не, почувствовав жар в груди, был вынужден остановиться, чтобы перевести дыхание. Мальчик в изнеможении опустился на землю.

На душе у него скребли кошки; он с раздражением спрашивал себя, почему именно на его долю выпала такая судьба, и зарыдал как девчонка.

– Ну не может быть, чтобы все было так уж плохо...

Маттия резко обернулся и увидел прямо перед собой доброжелательное белое девичье личико, обрамленное подстриженными под каре, вьющимися волосами и россыпью веснушек вокруг носа. Девушка понимающе улыбалась: она была просто милашка с этим своим круглым, с немного детским выражением, лицом и курносым носом.

Маттия поднялся, сознавая, что влип в одну из самых худших переделок своего недолгого существования. В то время как мальчик поднимался, незнакомка сунула руку в карман своей куртки и протянула ему пакетик с носовыми платочками.

– Ну-ка, вытри слезы, мужчина не должен плакать.

Она подмигнула Маттии, и ее лицо стало еще симпатичнее, отчего мальчик почти совсем перестал стесняться.

Они сидели на лавке на набережной реки. Зеленые воды спокойно текли, образуя на своем пути забавные водовороты; время от времени мимо проплывала какая-нибудь гнилая ветка или пластиковый пакет.

Вокруг все было удивительно безмятежно, почти неподвижно, и Маттия вдруг почувствовал абсолютное умиротворение.

– Не нужно придавать этому большое значение, – произнесла девушка, уставившись на реку.

В профиль она выглядела еще изящнее. Должно быть, ей было около двадцати: настоящая старушка по сравнению с двенадцатилетним Маттией.

– Да, – добавила она, оборачиваясь к мальчику, – я имею в виду Джаду.

У мальчика перехватило дыхание.

– Девочки твоего возраста все как одна любят кривляться и ничего ни в чем не смыслят. И даже эта мания встречаться с теми, кто постарше... это просто ребячество, ты не находишь?

Маттия заметил, что сидит с открытым ртом, и тут же поспешил его закрыть. И как она узнала про эту его любовь к Джаде?

– Мне много чего известно, Маттия.

На этот раз мальчик и вовсе испугался. Он резко вскочил и стал оглядываться по сторонам. И откуда ей стало известно его имя? Это просто невозможно, ведь он никогда прежде ее не видел.

– Ты следила за мной? Ты шпионила?

Девушка продолжала улыбаться.

– Скажем так, я что-то вроде феи...

Совершенно нелепый ответ, но удивительным образом Маттия принял его. Одна его часть говорила, что это всего лишь сон, в то время как другая заставляла поверить без всякого сомнения. Впрочем, не было ничего плохого в том, чтобы помечтать с открытыми гла-

зами, особенно когда ты немного не в духе и страстно желаешь только одного. И вскоре он почувствовал себя совершенно замороженным. Наверное, он был несколько смущен и заинтригован тем фактом, что оказался рядом с феей. А почему, собственно, не может быть иначе? Без сомнения, он все это себе воображает. Тогда почему же с ним может случиться что-то плохое? Тем более что это чистой воды фантастика, что такая симпатичная девушка, как эта, сидит рядом и разговаривает с ним.

– Я здесь, чтобы помочь тебе, Маттия. – Девушка протянула руку мальчику. – И мне это очень приятно, мое имя Нидафьель, но ты можешь называть меня Нида, если хочешь.

Пожимая девушке руку, Маттия заметил, что она холодна как лед, но Нида так приветливо ему улыбнулась, что он не стал придавать этому значение.

Нида снова посмотрела на реку.

– Маттия, проблема заключается в том, что твоя большая душа ограничена рамками тела, которое, как это получше выразиться... оставляет желать лучшего. Будь по-твоему, ты бы полетел, не так ли? А вместо этого ты привязан к земле.

Маттия серьезно кивнул. Это была ужасающая правда.

– И как фея, я отчетливо вижу, что внутри ты – прекрасный человек. Людей отталкивает твой внешний облик, вот почему они не замечают тебя.

Мальчик вздохнул. Впервые кто-то понял его.

– Но представим на мгновение, что я могу дать твоей душе подходящее тело, такое, которое позволило бы тебе идти по миру не стыдясь своих полных бедер и толстых пальцев.

И Маттия в один миг увидел себя человеком с обложки, на котором правильная одежда, у которого правильное лицо, правильные друзья. Человеком, который никогда не ошибается и всегда знает, что сказать.

– Хорошо бы... – тяжело вздохнув, ответил он.

– Маттия, ты бабочка – бабочка, которой нужно появиться на свет из куколки. И я могу сделать так, чтобы это произошло.

– Правда?! – недоверчиво воскликнул мальчик.

– Тебе не нужно спрашивать об этом. Знай только, что такое возможно.

Это было похоже на то, как если бы весь окружающий мир внезапно изменился. Голос той части его сознания, твердившей ему, чтобы он не терял бдительности, стал уже таким далеким, едва уловимым. Неужели сказки иногда становятся былью?

Нида продолжала загадочно улыбаться. Она что-то вытащила из кармана и на раскрытой ладони протянула прямо к носу Маттии. Станный металлический предмет, похожий на маленького паука, сверкнул на солнце.

Мальчик замороженно посмотрел на него:

– Что это?

– Это то, что поможет тебе выйти из твоего кокона. Тебе ведь надоело твое тучное тело?

– Просто смертельно, – ответил Маттия с некоторым раздражением.

– Ты устал от своей поношенной одежды, от твоих неверных поступков.

– Уверю тебя, я уже больше не могу, – ответил он еще более убежденно, едва ли не с напором.

– Тогда возьми вот это, и все изменится. Ты станешь другим, тем, кем мечтаешь стать. Станешь человеком в правильной одежде, с правильным лицом, правильными друзьями. Точно таким, каким ты хотел быть.

Нида заговорщически улыбалась, и Маттия не знал, что сказать в ответ. И лишь покачал головой. На мгновение скептически настроенная часть его души одержала верх.

– Но послушай, это невозможно. Только в мультиках герои с помощью волшебного предмета могут превратиться в другое существо. В реальной жизни подобные вещи невозможны.

Девушка сначала нахмурилась, а потом встала и сняла с себя кожаную куртку. На ней была очень короткая джинсовая юбка и облегающая красная блузка. Она повернулась спиной к Матти, и тот замер. Вдоль позвоночника девушки, видное в глубоком декольте, висало некое подобие металлической цепи из колец, на каждом из которых имелись странные коготки, вцепившиеся в позвонки. Нида надавила пальцем на основание выреза, коготки разжались, кольца сложились одно в другое, и длинная цепь превратилась в предмет, очень похожий на тот, что девушка незадолго до этого показывала Матти. Затем она отделила его от шеи, и в тот же момент кожа девушки сморщилась, волосы поседели, плечи согнулись. Когда Нида повернулась, Матти с трудом смог ее узнать. В ее морщинистом лице было что-то тревожное. Глаза, окруженные складками бледной и дряблой кожи, уменьшились и потускнели, словно их покрыла молочная пленка. Но хуже всего было то, что открытая и искренняя улыбка девушки сменилась жуткой ухмылкой. Объятый ужасом, Матти едва мог пошевелиться. Но, невзирая на чудовищную перемену в облике девушки, он продолжал ощущать безрассудную веру в нее, словно она околдовала его.

– Без... – улыбнулась Нида, выставляя напоказ свои совершенно беззубые десны. – И с... – Она взяла двумя пальцами странное устройство и прикрепила его на прежнее место, за ворот блузки. И в одно мгновение старуха превратилась в красивую молодую девушку, такую же игривую, какой была. – Ты убедился?

Матти лишился дара речи. Получается, он действительно попал в сказку, и достаточно этого подобия серебряного таракана, чтобы стать тем фантастическим юношей, который будет заходить за Джадой в школу.

От этой мысли голова у мальчика пошла кругом.

– Он твой, если хочешь.

Сомнение лишь на мгновение коснулось его души. Желание завладеть этой вещью было настолько сильным, что мальчик не мог ему сопротивляться. Его спасение находилось всего в нескольких сантиметрах от него и зазывно сверкало в ледяных пальцах Нида. Даже не отдавая себе отчета, Матти протянул руку и, дрожа как лист, схватил его. Предмет был твердым и холодным, но самое главное – он был настоящим.

– Почему ты мне помогаешь? – спросил мальчик в последнем порыве скептицизма.

– Потому что иногда желания сбываются. Это – моя работа. Ты так надеялся, что жизнь изменится, а тот, кто очень чего-то хочет, непременно это получает. По роду своей деятельности я помогаю таким, как ты.

Нида тепло улыбнулась ошарашенному мальчику. Затем он почувствовал такое душевное расположение, что впервые с начала их разговора и сам улыбнулся в ответ. Сжимая в ладони странный предмет, он посмотрел на девушку горящими глазами:

– Огромное спасибо.

В ответ Нида пожала плечами:

– Это моя обязанность, как феи.

Матти не знал, что и сказать. С одной стороны, он ощущал, как этот предмет притягивает его, с другой – испытывал перед ним страх, но, как бы то ни было, он не мог упустить свой шанс. Сердце мальчика бешено билось в груди. Возможно, события, по крайней мере в этом сне, могли бы принять иной оборот. Он снова поднял глаза, чтобы поблагодарить девушку, но, к его великому удивлению, ее и след простыл. Нида словно испарилась. Матти один сидел на речной плотине, голова мальчика слегка побаливала. Он чувствовал себя так, словно проснулся посреди ночи. Смутившись, он с растерянным видом обернулся назад.

– Все в порядке?

Матти вскочил, словно ужаленный тарантулом. Увидев, что это всего лишь обычный дворник, мальчик звучно вздохнул, пытаясь успокоиться.

– С тобой все хорошо? – снова спросил дворник. Выражение лица этого человека с метлой в руках было необычным.

– Да, да... все нормально, – ответил мальчик не слишком убедительно.

– Я видел тебя здесь совсем одного, сюда редко ходят ребята твоего возраста.

Маттия попятился назад.

– Нет, я был не один. Я разговаривал... – Мальчик растерянно смолк. – Извините, вы здесь, случайно, не видели девушку?

Мужчина подозрительно на него посмотрел.

– Ты был совершенно один, – прозвучало в ответ.

Чудесно, не хватало только сумасшествия. Толстый зубрила и к тому же полоумный. Маттия уставился в землю, поглаживая свой лоб.

– Может, я отведу тебя в больницу?

Мальчик почти не слушал дворника, теперь сосредоточившись на разглядывании своей ладони. Она была пуста. Маттия глубоко вздохнул. Спокойствие. Нужно сохранять спокойствие. Он всего лишь спал с открытыми глазами. На лице мальчика появилась улыбка.

– Все в порядке. Я просто задумался.

Дворник посмотрел на Маттию, а потом пожал плечами:

– Как хочешь.

Маттия направился к ступеням, чтобы подняться на набережную реки, а мужчина продолжал бормотать что-то ему вслед.

Мальчик ощущал необычайное разочарование. Ведь было бы так здорово оказаться другим, лучшим, настоящий отпад. Какая жалость...

Он увидел ее в тот момент, когда поднимался по ступеням. Ее девичье лицо появилось в тени моста. Видение длилось не больше мгновения: достаточно было зажмурить глаза, чтобы оно исчезло. Но мальчик был уверен, что фея улыбнулась ему. Он инстинктивно сунул руку в карман, ощутив там холод металла.

Сердце Маттии замерло. Он на одном дыхании поднялся по ступеням и бросился бежать, словно спасаясь от кого-то.

Она спряталась там, где падавшая от моста тень могла надежнее ее укрыть. Нида улыбалась про себя, глядя на то, как мальчик исчезал из вида.

– Ну, как все прошло?

Девушка обернулась. Напротив нее стоял юноша, чья красота была не менее ослепительной, чем ее собственная. У него были выющиеся, с медным отливом волосы и такая же очаровательная и чистая, как у Нида, улыбка. Одежда юноши отличалась изысканностью: на нем были светлые брюки и коричневая куртка, то и другое прекрасного покроя, а еще кашемировый шарф, небрежно обмотанный вокруг шеи. С удовлетворенным видом молодой человек время от времени поправлял волосы.

– Все в порядке, – ответила девушка, снова повернувшись в ту сторону, куда побежал Маттия.

– Когда он придет к нам, как ты думаешь?

– Насколько я знаю этих молокососов, он побежит домой, встанет перед зеркалом и нацепит то, что я ему вручила. И тогда он наш.

Юноша посмотрел на нее с разочарованием:

– Мне бы хотелось, чтобы он пришел сразу же.

Нида посерьезнела:

– Спокойно, Рататоскр. *Он* говорит, что избранные еще не проснулись, а значит, у нас есть время, быть может, мы даже несколько забегаем вперед.

– Наверное, но прежде мы закончим свое дело, и тогда мне станет легче.

– Не бойся. *Он* известит нас заранее.

Нида снова посмотрела на ступени, по которым поднимался Маттия. Она нисколько не сомневалась, что увидит его в скором времени.

3

Экзамен у профессора

София в сотый раз погладила рукой свитер. Вплоть до этого момента ей никогда еще не приходилось стыдиться своих вещей. Ее одежда в большинстве своем была поношенной, с чужого плеча, но эти чересчур длинные джинсы и растянутые свитера, которые девочка носила зимой, вполне соответствовали той роли, которую, по ее внутренней убежденности, ей предстояло сыграть в этом мире. София всегда была заурядной девочкой, маленьким винтиком, по сути своей совершенно бесполезным в общем механизме. Но только не в то утро. Внезапно ей отчаянно захотелось, чтобы ее вещи стали привлекательнее и ярче. Ей во что бы то ни стало надо было произвести хорошее впечатление на этого человека, поразить его. Это была ее единственная возможность попытаться направить свою жизнь в иное русло и раз и навсегда покинуть приют.

София посмотрела на себя в зеркало. Свитер очень шел к цвету ее глаз. Девочка всегда считала, что смешно уделять столько внимания подобным вещам, но сейчас она убеждала себя в том, что загадочный профессор наверняка оценит ее усилия. И напоследок она завязала волосы. Иной возможности отделаться от сходства с тыквой, которое придавала ей ее курчавая шевелюра, у нее не было. Девочка снова окинула себя взглядом.

– Ну, вот так-то лучше.

София резко обернулась. Прямо за ее спиной выросла Джованна.

– Вы так считаете? – грустно спросила девочка.

Между ней и женщиной никогда не было иных взаимоотношений, чем те, что связывали любую сироту и работника приюта, но неожиданно Джованна стала для девочки единственным человеком, которому она могла довериться.

Женщина доброжелательно улыбнулась ей:

– Ну конечно! Ты и вправду красивая девочка, а в этом свитере ты выглядишь просто здорово.

Девочка почувствовала некоторое облегчение. По всей вероятности, это было неправдой, но ведь все нуждаются в маленькой лжи, чтобы двигаться вперед.

Джованна положила руки на плечи Софии:

– Знаешь, порой я думала, что тебя ждет мой удел и что ты никогда не покинешь этих стен. Ведь много лет тому назад я была такой же, как ты.

Глаза девочки заблестели: это неожиданное признание смутило ее и одновременно польстило ей. Ведь и ей самой не раз приходили на ум подобные мысли.

– Надо же, за мной так никто и не пришел, а у тебя сегодня появился такой шанс.

Женщина поправила свитер на спине девочки. София спрашивала себя, так же ли ведет себя мама со своими детьми и как должен был чувствовать себя тот, у кого есть человек, каждое утро поправляющий его одежду.

– Готова?

Девочка слегка кивнула.

Стоя перед дверью госпожи Пруденции, София почувствовала, как сильно забилося сердце в ее груди. Она знала, что переступить порог этой комнаты – значит изменить полностью всю жизнь.

Девочка положила руку на ручку двери и повернула ее. Вся комната была залита солнечным светом. Девочка вошла в кабинет мелкими шажками. Освещенные лучами яркого осеннего солнца сидели двое: маленький полноватый господин и госпожа Пруденция. Девочка посмотрела на мужчину, и у нее екнуло сердце. Это был он.

– Это профессор Георг Шлафен, София.

От стеснения девочка опустила голову, ее колени дрожали от страха.

– Здравствуй, София, – произнес мужчина красивым, несколько высоковатым голосом и поднялся навстречу.

Девочка украдкой взглянула на него. У профессора было вытянутое лицо с несколько выступающим вперед подбородком, скрытым короткой ухоженной бородкой. За круглыми черными очками прятались маленькие живые глаза. Мужчина, дружелюбно улыбаясь, протянул девочке открытую ладонь. Внешность этого человека представляла собой что-то среднее между образом монаха и ученого.

Профессор неподвижно стоял с протянутой навстречу девочке рукой и с улыбкой на лице, не сдвинувшись при этом и на миллиметр.

– Со-фи-я! – прошептала с едва скрываемым раздражением сестра Пруденция, и только тогда девочка, вздрогнув, пожала руку мужчины. Его рукопожатие было теплым и ободряющим.

– Вот и хорошо.

Профессор говорил с едва заметным иностранным акцентом. София задержала свой взгляд на его необычном костюме, словно позаимствованном из девятнадцатого века. На нем был жилет с цепочкой от карманных часов на самом видном месте, черные брюки и длинный темный пиджак. Девочка инстинктивно прониклась симпатией к этому человеку, который был выше ее не более чем на два-три сантиметра.

– Отец господина профессора немец, а мать – итальянка. Он долгое время жил в Баварском Монахе, где провел большую часть своих исследовательских работ по антропологии. Он – светило в своей области и широко известен в культурных кругах.

– Это уж слишком, – с искренней скромностью запротестовал профессор.

– Он знал твоего отца и явился сюда по долгу дружбы, связывавшей их когда-то. София, этот человек долго разыскивал тебя, как раз для того, чтобы воздать должное этой старой дружбе, и вот наконец нашел, и теперь он здесь, чтобы познакомиться с тобой и забрать от нас.

София переводила взгляд с профессора на сестру Пруденцию и обратно. Монахиня, как всегда, выглядела совершенно невозмутимой и строгой, в то время как мужчина стоял покачиваясь, отчего поскрипывали его туфли, и пристально смотрел на девочку.

– Господин профессор нарочно попросил меня дать ему возможность поговорить с тобой, и я пошла навстречу его желанию. Полагаю, что и у тебя есть о чем спросить его, поэтому я оставляю вас наедине.

Прежде чем покинуть комнату, директриса бросила на Софию холодный взгляд, полный невысказанных слов. В ответ девочка, распрямив плечи, потупила свой взор. Ей следовало бы произвести хорошее впечатление на прощание, но она чувствовала, что ей это плохо удастся. Затем дверь с грохотом закрылась, и в кабинете повисла странная тишина. Скрип профессорских туфель был единственным звуком, раздававшимся в помещении.

– Что ж, хорошо, – сказал господин Шлафен спустя некоторое время.

София стояла, заламывая руки. Она знала, что должна выйти из ступора, что-то сказать, показать свой ум, доброжелательный характер.

– Наша аббатиса, как это получше выразиться, человек прямой, не так ли?

Профессор подмигнул девочке, и та смущенно улыбнулась. Это, конечно, так и было, но она никогда еще не слышала, чтобы кто-то позволял себе подобное замечание в адрес сестры Пруденции.

– Присядем, – предложил профессор, беря стул и сядя, элегантно закинув ногу на ногу.

София примостилась на другой стул.

– Ну? Приехал какой-то иностранец, который хочет тебя удочерить, а ты даже ни о чем его не спрашиваешь?

Девочка подняла глаза, чувствуя себя непоправимой идиоткой. Но профессор продолжал приветливо улыбаться.

– А вы уверены, что хотите удочерить именно меня? – наконец спросила София.

Мужчина разразился смехом, сотрясаясь всем телом, и девочка испугалась. Опустив плечи, она спрятала руки под коленями, проклиная себя за то, что задала такой нелепый детский вопрос.

– У тебя настолько заниженная самооценка? – спросил профессор, успокаиваясь и вытирая слезу с уголка глаза.

– Да. – Она ответила искренне и не задумываясь.

– Ну уж, София, ты ошибаешься, и при этом очень сильно. – Внезапно профессор стал серьезным. – В любом случае именно тебя я хочу удочерить, и никого другого. Поверь мне, другой такой, как ты, нет, – добавил он, подмигивая девочке.

София смущенно улыбнулась.

– Вы и в самом деле были знакомы с моим отцом?

– И не только с твоим отцом. Я знал всех твоих предков и, если хочешь, всю твою историю.

– Но его, – стояла на своем София, – его-то вы знали лично?

Профессор внимательно посмотрел на девочку:

– Ты ведь не знала, кем он был, не так ли?

София снова сжалась, сидя на своем стуле.

– Нет, я всю жизнь прожила здесь, с шести месяцев. Я ничего не знаю о своих близких: ни о живых, ни о мертвых...

– Твой отец умер много лет тому назад. Это был особый человек, и он, так же как и ты, ничего не ведал о своем таланте. Это у вас семейное – недооценивать себя, – улыбнулся Георг Шлафен, а потом снова сделался серьезным. – Он погиб в автокатастрофе, но я поклялся, что позабочусь о тебе.

– А моя мать?

– Мне очень жаль, но я никогда не был с ней знаком.

Ответ профессора на этот раз прозвучал как-то уклончиво.

– А... какой он был? – импульсивно спросила она. – Я отца имею в виду.

Казалось, профессор на мгновение окунулся в воспоминания.

– Ты очень похожа на него. Те же глаза и волосы, а вот веснушки, полагаю, достались тебе в наследство от твоей матери.

«Да уж, малоприятное наследство», – подумала про себя София.

– Но главное, и у тебя и у твоего отца есть кое-что общее. – И он пальцем указал на родинку у Софии между бровями.

Их взгляды встретились, и девочка смотрела на профессора до тех пор, пока у нее не стало двоиться в глазах, и ей даже пришлось их потереть, чтобы избавиться от наваждения. Мужчина усмехнулся.

– Не думала, что родинки могут передаваться по наследству...

– Некоторые могут, – уверенно произнес профессор.

И они оба вновь замолчали.

После невнятного бормотания профессор обронил «Что ж, хорошо», а потом спросил, как у Софии обстоят дела с учебой, и она замерла, словно на экзамене. А что, если она ответит неправильно и покажет себя полной невеждой?

И девочка принялась бормотать что-то невнятное по поводу занятий в приютской школе, аккуратно избегая упоминаний об оценках и пытаясь давать общие ответы.

Но профессор довольно скоро ее прервал.

– А что тебе известно об астрономии? – спросил он.

София растерялась от неожиданности. Этот предмет не значился в ряду дисциплин, которые преподавали в их школе учащимся средних классов, видимо, в Германии дела обстоят иначе.

– Ну, иногда я смотрю на звезды...

Она искала их на небе, но освещение Рима почти полностью их затмевало. Девочке с трудом удавалось разглядеть лишь Большую Медведицу, а иногда Орион, так похожий на огромную кофеварку.

– Хорошо, но что ты сама об этом знаешь?

София втянула голову в плечи.

– Ну... в общем...

– А о ботанике? – не отступал профессор.

София вспомнила о том, что в начальных классах они выращивали кустики фасоли.

– Я кое-что знаю об овощах. Монахини учили нас ухаживать за съедобными растениями, – смущенно ответила девочка.

– Гм... – Профессор прищурил глаза, словно стараясь рассмотреть ее получше. – А о мифологии? О норвежских мифах, греческих легендах?

Софии сделалось плохо. Она прочла несколько книг, поскольку мифы она находила увлекательными, но дальше самых известных дело не пошло. Без сомнения, у профессора складывалось о ней не самое лучшее впечатление. В конце концов девочка сдалась.

– Мне очень жаль, но я почти ничего об этом не знаю, – призналась она, от стыда вжимаясь в кресло с одним-единственным желанием исчезнуть.

Шлафен молчал, как будто взвешивая каждое слово девочки, потом ударил руками по бедрам, словно намереваясь встать.

– Да, здесь есть над чем поработать, но этого я и ожидал.

София бросила на профессора вопросительный взгляд.

– Я живу совсем недалеко отсюда. Я приобрел старое поместье на берегу озера Альбано. Ты слышала о нем?

Кто-то рассказывал о нем Софии. Поместье находилось к югу от Рима, на холмистой местности, прозванной Зоной замков. Девочка знала только, что там делали хорошее вино и римляне навещают туда, чтобы отведать жареных молочных поросят. Она еле заметно кивнула.

– Что ж, прекрасно, – заметил профессор. – Я поселился там ради своей научной работы: это тихое и, я бы сказал, в некоторой степени... мистическое место. Твоя задача заключается в том, чтобы просто помогать мне: к примеру, поддерживать порядок в библиотеке или что-либо выписывать для меня.

И он принялся перечислять длинный список поручений, в котором София сразу же запуталась. Ее внимание привлекло совсем иное. Он сказал: «Твоя задача».

– Моя задача? – спросила явно шокированная девочка.

Профессор остановился.

– Ну да, именно так, твоя задача, – решительно ответил он.

– И вы говорите, что забираете меня с собой?

– Конечно. Завтра утром ты отправишься вместе со мной.

– Но я совсем запуталась! То есть вы ведь меня о чем-то спрашивали, а я почти ничего не знаю.

– Я спрашивал, чтобы оценить уровень твоих знаний, только и всего, – отрезал мужчина. – Чтобы ты могла мне помочь, мне придется кое-чему тебя научить. Это будет очень увлекательно, вот увидишь.

Его доброжелательная улыбка внушала надежду, но София продолжала хранить молчание. Происходило нечто невероятное, и девочке огромного труда стоило в это поверить.

Профессор, заметив растерянность на ее лице, попытался воодушевить девочку.

– Моя дорогая, я знал, что ты пойдешь со мной, еще до нашей с тобой встречи, до того, как я оказался здесь. Я знал об этом, как только нашел тебя, как только мне стало известно, где ты находишься. София, неужели ты не веришь, что сама судьба привела меня сюда?

Ну да, вероятно, это действительно так.

– Я понимаю, что сейчас тебе довольно сложно в это поверить, но вот увидишь, что мой дом – прекрасное место, и очень скоро ты привыкнешь к нему...

– Не в этом дело, – перебила его София. – Я всего лишь ошарашена всем происходящим. Ведь я думала, что этот день никогда не наступит... – И с этими словами она впервые с начала их беседы по-настоящему открыто улыбнулась.

Профессор с радостью ответил ей улыбкой.

– И все-таки он наступил, – заметил он. – Это было предначертано.

Он вынул из жилета великолепные карманные часы и открыл их.

– Думаю, что на сегодня достаточно. В вашем городе передвигаться довольно сложно, – если я не потороплюсь, то непременно опоздаю на автобус. – Профессор продолжал улыбаться. – Я приеду завтра утром, часов в десять, договорились?

София кивнула. Ей показалось, что комната начала стремительно вращаться.

– Ну что, позовем нашу настоятельницу?

Профессор вновь подмигнул девочке, а затем поднялся. Когда он решительно направился к двери, Софию вдруг охватил безотчетный страх, что он может исчезнуть из ее жизни так же внезапно, как и появился.

4

Перевернуть страницу

– Неужели ты и в самом деле уходишь отсюда?

– А он какой?

– Тыква, а где находится дом этого типа?

– Он просто чокнутый, вот увидишь, или он берет тебя, чтобы ты работала на него как рабыня.

Едва эта новость разошлась по приюту, как Софию просто атаковали. Всем не терпелось узнать, кто был тот тип, который удочерял ее, где он живет, чем занимается. И самое главное, никто не мог взять в толк, как София, эта совершенно невзрачная девчонка, могла привлечь чье-либо внимание в таком уже значительном возрасте – тринадцать лет.

Девочка кое-как отвечала на вопросы, но их было слишком много, и все это становилось просто невыносимым, а главное, ей сейчас было о чем подумать. Ее спасло появление монахини-смотрительницы:

– А теперь все разойдитесь по своим кроватям, иначе я сильно рассержусь и тогда позову сестру Пруденцию!

Достаточно было назвать это имя, чтобы заставить всех замолчать. В одно мгновение воцарилась тишина.

– А сейчас мы можем собрать вещи, – мягко произнесла Джованна, обращаясь к Софии.

Монахиня дала ей чемодан – одну из тех вещей, что, как было заведено, богатые жители квартала дарили приюту. Он был довольно большой, и выглядел прочным, и напоминал чемоданы эмигрантов начала века, отправлявшихся в Америку. Впрочем, так или иначе, София чувствовала себя одной из них. Она также шла вслед за мечтой о лучшей жизни, ну а поскольку она всего лишь несколько раз выходила за пределы приюта, озеро Альбано для нее было таким же экзотичным и далеким местом, как и Нью-Йорк.

Они уложили в чемодан одежду девочки с ароматными пакетиками лаванды, которую монахини выращивали в саду. София пришла в полнейшее уныние при виде столь малого количества принадлежавших ей вещей.

– Вот увидишь, профессор Шлафен купит тебе новую одежду. Он же сказал тебе, что у него есть загородный дом, ведь так?

София кивнула.

– Он наверняка очень богат, и ты заживешь как принцесса.

Когда чемодан был закрыт, Джованна крепко обняла девочку.

– Я так рада за тебя, – призналась монахиня, и София почувствовала, как дрожит ее голос.

Девочка знала, что сейчас творится в душе Джованны. Она и сама думала о том же, когда смотрела, как другие дети покидают приют. Монахиня поздравляла и напутствовала их добрыми словами, а потом смотрела, как они вместе с обретенными родителями выходили за ворота. И тогда глаза Софии начинало щипать, и ничего нельзя было с этим поделать. Эти ворота были рвом, границей, отделявшей так называемый нормальный мир от их бедного приютского мирка.

Девочка страшно разволновалась от осознания того, что и ей это удалось, и в ответ на слова Джованны обняла ее что было сил.

– Спасибо за все и извините меня за то, что я так часто сердила вас, – еле слышно произнесла София.

Женщина отошла. Ее глаза были красными, впрочем, и в глазах девочки сверкали слезы.

– Ну, смелее, не будь глупышкой, завтра у тебя такой радостный день!

Девочка засмеялась, давая выход своему счастью, которого еще не приходилось испытывать. Наконец-то наступил и ее черед. София вспомнила чью-то мысль, вычитанную ею из какой-то книги, о том, что хорошее всегда приходит тогда, когда меньше всего этого ожидаешь. И это сушая правда.

Эта ночь была мучительной. Софии так и не удалось сомкнуть глаз. Она слышала в темноте дыхание своих товарищей и спрашивала себя, будет ли ей их не хватать. Начиная со следующего дня ей больше не придется ни с кем ничего делить, даже ванную. В ее полном распоряжении будет душ, отдельный умывальник и, если повезет, ванная. Она будет завтракать одна, и, возможно, даже не будет ходить в школу, и, пожалуй, как в некоторых романах, у нее появится собственный преподаватель.

Все это так неожиданно, но она надеялась, ей удастся привыкнуть. А что, если это и в самом деле обман, как кто-то сказал? Ведь такое вполне может случиться: пришел какой-то незнакомец, чтобы удочерить ее, а на самом деле собирается заставлять ее работать на него.

От этой мысли София вскочила с кровати. Ей необходимо было срочно пройтись и остудить свою разгоряченную голову и прогнать грусть, которая вдруг навалилась на нее. Девочка вздрогнула, коснувшись ногами ледяного пола, и все же пошла по тихим коридорам, едва освещаемым бледным светом луны, что просачивался сквозь окна.

Странно, но внезапно на все вокруг девочка смотрела совершенно другими глазами; она разглядывала рисунок на плитках в коридоре, что вел к кабинету настоятельницы Пруденции, линолеум в столовой и белую кафельную плитку ванной. Даже пятна плесени на потолке. За годы, что она провела здесь, все стало привычным. Это был неотъемлемый фон ее жизни, панель, на которой монотонно и безмятежно протекало ее существование. И теперь девочка хотела все это запомнить и унести в своем сердце. Теперь, когда она покидала приют.

София бродила по приюту, касаясь руками стен и приветствуя каждую деталь в отдельности, являвшуюся частью ее существования вплоть до момента прощания. Она поклялась никогда не забывать приют: ведь он долгое время был ее домом, и тут нечего было стыдиться.

Этот день был полон света. Платан в саду, казалось, был весь осыпан золотом от пронизывавших его насквозь солнечных лучей. Было холодно, и София чувствовала себя ужасно неуютно с этим старым чемоданом в руках. Каждое мгновение ее охватывал страх, что профессор не придет. Девочка боялась, что, увидев ее, такую неловкую и смешную, он уйдет, чтобы больше никогда не появиться здесь.

Но профессор Шлафен пришел. Поздоровавшись с сестрой Пруденцией, он так радушно улыбнулся Софии, что та стала проникаться к нему искренней симпатией.

– Позволь мне понести твой чемодан, – сказал он, забирая у нее ношу. – А ты попрощайся со всеми.

София растерянно оглянулась. За ее спиной стояли настоятельница Пруденция, Джованна и воспитанники сиротского приюта, все они недоверчиво смотрели на нее. Самые маленькие были откровенно разочарованы. Они еще не научились искусству скрывать свои переживания.

Девочке подарили рисунок, на котором стояли подписи каждого ребенка; не было никакого сомнения в том, что это была идея какой-нибудь из монашек. София же не могла представить себе, что ей будет недоставать кого-нибудь из них.

– Что ж, прощайте, – рассеянно сказала девочка.

Некоторые одноклассники Софии на прощание поцеловали ее в щеку, остальные просто молча смотрели на нее.

– Надеюсь, твое пребывание здесь тебя многому научило и в будущем из тебя получится по-настоящему хорошая женщина. Хочется верить, что когда-нибудь ты с теплотой вспомнишь эти годы, не забыв при этом поблагодарить своих наставниц, – строго и в то же время взволнованно произнесла настоятельница.

– Обязательно, – пробормотала София, проклиная свой дрожащий от волнения голос. Девочка и в самом деле искренне в это верила.

С Джованной все было иначе. Они ни словом не обмолвились друг с другом, но одного пристального взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, что их теперь разделяли ворота приюта. Но это было не так уж и плохо.

Вот почему, когда она повернулась к ожидавшему ее на улице профессору, у нее был спокойный взгляд человека, жизнь которого изменяется раз и навсегда.

5

Сердце Маттии

– Маттия, Маттия, давай вставай, уже пора...

Эти едва различимые слова сопровождались грохотом поднимавшихся вверх жалюзи. Комната наполнилась светом, и Маттия прикрыл глаза руками.

– А который час? – пробормотал он.

– Уже пора завтракать, умываться и отправляться в школу, – ответила мать.

При этих словах его сердце пронзила острая боль. Новый ненавистный день, полный нападок и оскорблений. Главное, он снова увидит Джаду, хотя после всего услышанного больше не имело смысла снова встречаться с ней глазами.

Мальчик с трудом встал с кровати, через силу съел порцию обезжиренного молока с ячменем, положив туда цельные зерна без сахара.

– Ну же, Маттия! Ну почему каждый день у тебя такой кислый вид? – спросила его мать бодрым тоном, явно пытаясь поднять сыну настроение.

Маттия зло посмотрел на нее. У таких, как он, в мире было только одно предназначение: быть неудачником, мирясь со своей жалкой внешностью и полнейшим отсутствием каких-либо талантов.

А может, нет?

Этот вопрос пришел Маттии на ум спонтанно и был вызван волнующим воспоминанием о сне, что он увидел сидя на берегу Тибра. Не было сомнения в том, что это был сон. Но он был таким невероятно реальным, таким дьявольски правдоподобным... С закрытыми глазами Маттии удалось явственно представить себе лицо феи, ее сияющую кожу и даже ямочки на ее щеках, когда она улыбалась. Как, она сказала, ее зовут? Нида... Ну да, Нида – это сокращенная форма совершенно непроизносимого имени, которое сейчас он никак не мог вспомнить.

Мальчик снова подумал про свое видение, когда, умываясь, с привычной грустью созерцал в зеркале свое толстое лицо. Неожиданно для себя он обнаружил, что с удовольствием вспоминает минуты, проведенные им на берегу. В тот момент, когда он снова увидел лицо девушки или, вернее сказать, когда поверил в то, что видит ее, даже испугался и побежал вниз по ступенькам набережной. Когда Маттия снова начинал думать об этом, он чувствовал стеснение в груди и пугался. И все же это было приятное воспоминание. Прекрасный сон, и только.

«Быть может, дворник прав и мне нужно пойти к врачу...» – подумал он про себя, умываясь.

«Маттия, увиденное тобой произошло на самом деле, и ты это знаешь», – отвечал другой вкрадчивый голос. И от этого голоса мальчик замер.

Неужели?

Это предположение уже не казалось таким странным. Впрочем, после той встречи он что-то нашел в своем кармане. А как объяснить это? Если не верить в то, что он действительно видел фею, то объяснения не находилось. В общем, выхода не было и абсурдность этой ситуации начинала сводить мальчика с ума.

Натянув джинсы, Маттия заметил, что они стали еще уже в талии. Черт возьми, похоже, он еще потолстел. Мальчик надел толстовку, натягивая ее как можно ниже: ему непременно нужно было скрыть свой живот. Но ничего не поделаешь, тот все равно предательски выпячивался под одеждой.

Убедившись в том, что дверь его комнаты прикрыта, он посмотрел на часы: через пару минут мама объявит, что пора выходить из дома.

Маттия метнулся к кровати и достал из-под матраса жестяную шкатулку. Он точно знал, что предмет находился в ней. Мальчик осторожно ее достал, чтобы не наделать лишнего шума. Затем он взял ключи из ящика комода и, усевшись на колени, открыл шкатулку.

Внутри чего только не было: и листы бумаги, и помятые рисунки, и дневник. Он мечтал, когда вырастет, стать автором бульварных романов, но никому не говорил об этом. Он рисовал поздно вечером, когда его мама уже лежала в постели. Мальчику нравилось рассказывать историю про нескольких друзей, наделенных сверхъестественными способностями, которые сражались против расы чужаков, желавших завоевать мир. Ну а письма он ежедневно писал Джаде, и у него никогда не хватало смелости передать их ей. Это были несколько приторные признания в любви, причем некоторые из них были взяты прямо из романов, что читала его мать. Но они были искренними и очень нравились мальчику. В дневнике же Маттия по большей части описывал свои любовные переживания. Оттого, что никто никогда не слушал мальчика, он решил довериться своему дневнику, чтобы поведать о чувствах, переполнявших его. И важно не то, что обычно так поступали девочки.

Маттия аккуратно сдвигал листы до тех пор, пока не увидел на дне шкатулки блестящую штуковину. Сердце неистово заколотилось в его груди. Конечно, он мог до бесконечности твердить себе, что его видение было всего лишь галлюцинацией, но этот искрящийся предмет опровергал любое логическое и рациональное умозаключение. На самом дне шкатулки лежал сверкающий и совершенно реальный металлический паучок феи.

Маттия не мог оторвать от него глаз. Что это? Если не Нида дала ему это, где бы тогда он мог это взять? Как бы он попал к нему в руки?

А может, это был всего лишь розыгрыш его одноклассников? Может, кто-нибудь, сидя в автобусе по дороге домой, подсунил ему это в сумку? Маттия покачал головой. Эти объяснения были слишком слабы, чтобы укрепить его сомнение. Произошло что-то таинственное, нечто такое, во что Маттия был не в состоянии поверить и что тем не менее завораживало его. Мальчик чувствовал, что в том, что с ним произошло, скрыта какая-то угроза, но его глупое и отчаянное желание поверить в эту бессмысленную историю оказалось сильнее.

Взяв паучка двумя пальцами, он внимательно пригляделся к нему. Эта вещь и впрямь была красивой, настоящий шедевр, со всеми этими подвижными и искусно вмонтированными одна в другую вставками.

«Жаль, что это всего лишь фальшивка», – подумал Маттия.

«Кто тебе это сказал?» – тут же прозвучал в голове другой голос.

– Маттия-я-я? Пора!

Мальчик вздрогнул. Услышав звук приближающихся шагов матери, он в мгновение ока сунул свои сокровища обратно в шкатулку, закрыл ее и поставил на место. Когда женщина открывала дверь, у Маттии оставалась в запасе еще одна секунда, чтобы успеть вскочить на ноги.

– Если ты готов, тогда чего же ты стоишь как вкопанный?

Мальчик пожал плечами:

– Я только что закончил одеваться.

Мать мальчика посмотрела на него с изумлением.

– Пойдем, уже поздно, – сказала она.

И, прихватив пальто, Маттия послушно вышел из комнаты.

* * *

В классе пронзительно зазвенел звонок. Вот и этот день подошел к концу. Маттия складывал книги в рюкзак среди грохочущих парт, сдвигаемых с места его одноклассниками, собиравшимися уйти. В целом день прошел хорошо. Мальчик старался как можно серьезнее слушать уроки, и ему удалось избежать внимания со стороны Джады и остальных учеников. Его мало волновало, что он, как обычно, производил впечатление образцового ученика. Он хотел только одного, чтобы на него не обращали внимания. Он ни единым взглядом не удостоил спину сидевшей впереди него Джады, и уже одно это можно было считать успехом.

И когда он в одиночестве шел по школьному двору, меньше всего ожидал увидеть то, что предстало перед его глазами.

– Мауро! – крикнула Джада и, прежде чем побежать, сделала кому-то широкий жест рукой.

Проследив за ней взглядом, Маттия заметил перед открытыми воротами юношу в окружении громогласной толпы ребят, разделившейся на две восхищенные группы.

Он был в черной кожаной куртке, высокий, с улыбкой кинозвезды и атлетической фигурой. Молодой человек сидел на мотоцикле с гоночным обтекателем, а вокруг него на мостовую школьного двора падали с платана тронутые ветром желтые листья. Казалось, что Маттия попал в сцену из кинофильма «Топ Ган», и ему стало обидно до слез.

– Привет, красавица! – весело произнес юноша, уверенно глядя на девочку.

Маттии все стало ясно как дважды два. Это был тот самый тип, о котором вчера рассказывала Джада, старшеклассник, с которым она флиртовала. По всей вероятности, ему было лет шестнадцать-семнадцать. Мальчик почувствовал, как опустились его плечи. Он знал, что ему следовало делать в этой ситуации: потупив в землю глаза, с достоинством пройти мимо и отправиться домой. Джада была не его поля ягода, и Маттия всегда понимал это и тем не менее продолжал надеяться. Он завороченно смотрел, как девочка бросилась навстречу своему Мауро и обвила его шею руками, в это время ее короткая, по последней моде, юбочка угрожающе колыхалась, выставляя напоказ пару совершенных во всех отношениях ног. А потом последовал последний удар: Джада поцеловала Мауро в губы. Все как в замедленной съемке.

Поцелуй в губы.

У Маттии возникло отчетливое ощущение, будто мир вокруг него начал рушиться.

Почувствовав жжение в глазах, он понял, что дошел до крайности.

Резкий крик привел его в чувство.

– Маттия, ты чего встал как столб?

Без всякого сомнения, это был Луиджи. Не было случая, чтобы тот упустил возможность поиздеваться над Маттией перед всем классом.

– Эй, ребята, видали Маттию?

Достаточно мгновения, чтобы все, кто был во дворе, посмотрели в его сторону.

– Гляньте-ка на него, как ему поплохело! А ты разве не знал, что Джада ходит только с парнями чуть покрасивее и повыше ростом? Ты что, на самом деле думаешь, что она могла бы встречаться с таким ничтожеством, как ты?

За долю секунды в голове мальчика успела промелькнуть мысль о том, как такое было возможно, чтобы все узнали о его безнадежной любви к Джаде.

«Идиот, она же сказала, что заметила, как ты на нее смотрел. У тебя все на лице написано», – мысленно упрекнул он сам себя. Однако тратить время на подобные размышления уже не стоило. Стыд и унижение были слишком велики. Маттия чувствовал, как от смущения запылали его щеки и уши.

Все разразились хохотом. За эту сцену Джада удостоила Маттию холодным взглядом, которого безусловно воспринимала как препротивного типа. Стыдно, когда такое создание, как он, ходит по пятам первой красавицы класса.

Маттия почувствовал, как слезы скатились по его щекам, и он был не в силах их остановить.

«Вставь его...» – всхлипывая, пробормотал он себе под нос. «Вставь!» – повторил он чуть громче, но хор презрительных насмешек заглушал его голос. Тогда мальчик бросился бежать и выскочил со школьного двора, толкнув Джаду у ворот.

Завернув за угол, он прошел еще несколько метров, чувствуя, что унижение вызвало в нем слепую ярость, и тут же вспомнил приятные и многообещающие слова: «Но представим на мгновение, что я могу дать твоей душе подходящее тело, такое, которое позволило бы тебе идти по миру не стыдясь твоих полных бедер и толстых пальцев».

Маттия остановился у боковой улочки и спиной прислонился к стене, его сердце никак не хотело успокаиваться. Инстинктивно сунув руку в карман, он нащупал паучка. И на мгновение затаил дыхание. Пальцами он скользил по металлическому предмету. Сам того не заметив, Маттия из страха, что мать застанет сына вместе с его сокровищами в руках, машинально сунул вещицу в карман брюк. Мальчик был в таком отчаянии, что готов был поверить – спасение от бед здесь, в его руке. Он крепко, почти до боли сжал металлическую безделушку в кулаке, а затем, яростно вытерев глаза, решительно зашагал домой.

6 НОВЫЙ ДОМ

Рим был огромен. Это было самое главное ощущение Софии. Он был огромен и полон суеты. Нельзя сказать, что она никогда не ступала сюда ногой. Однажды сестры приюта водили ее вместе с одноклассниками на площадь Святого Петра на молебен к папе. Затем они ходили на прием к врачу, а еще на экскурсию по развалинам Форума, но она была короткая, мало что им удалось узнать и увидеть.

– Что ж, тебе обязательно нужно посмотреть Рим, не так ли? Сегодня мы позволим себе только небольшую пешую прогулку, но скоро мы обязательно продолжим знакомство с городом, – сказал профессор.

София вежливо кивнула, однако в душе она ликовала.

Экскурсию они начали с Пьяцца дель Пополо, а потом направились на холм Пинчо. Но, едва увидев балюстраду, София почувствовала легкое головокружение.

– Отсюда ты можешь увидеть весь город. Мне кажется, это прекрасный способ отметить наше событие. Что ты об этом думаешь?

София хотела ответить, но с ее губ слетело лишь невнятное хрипение. Профессор взял девочку за руку и подвел к балюстраде. София смотрела на нее как осужденный на эшафот, прикидывая, достаточно ли высокое ограждение, какова вероятность падения и как высоко она находится над Пьяцца дель Пополо.

Шлафен повернулся к девочке:

– Что-то не так?

Только тогда София обратила внимание, как вцепилась в его руку. Девочка покачала головой, но страх не отступил, и это отражалось на ее лице.

Профессор посмотрел на Софию по-отечески ласково:

– Я прекрасно знаю, что тебе потребуется время, чтобы привыкнуть к чужому человеку, но, поверь мне, ты всегда можешь сказать, если что-то не так, а я постараюсь понять тебя.

Мужчина ободряюще улыбнулся ей, и София решилась сознаться, в чем дело.

– Дело в том, что у меня кружится голова.

Услышав это, новоиспеченный приемный отец с недоумением уставился на девочку, не в силах поверить в то, что все так просто объясняется, и расхохотался. София вспыхнула, почувствовав себя маленькой дурочкой. Мужчина, должно быть, это понял, потому что тут же вытер слезы и заставил себя снова стать серьезным. Он поправил круглые очки и откашлялся.

– Ты же не разыгрываешь меня, ведь так?

Бледная как полотно София покачала головой.

Шлафен очень серьезно посмотрел на нее:

– Извини меня, наверное, твой отец был бы понятливее. Он не... Послушай, тебе все-таки стоит взглянуть. Отсюда ты увидишь весь Рим. Ведь ты никогда его не видела, не так ли?

София снова покачала головой.

– Я все время буду держать тебя за руку. Ограждение достаточно высокое, и я рядом. Я ни за что не позволю тебе упасть, поверь мне.

Голос мужчины был ласковым и внушал доверие.

– Обещайте, что не будете смеяться надо мной, если мне станет плохо, – неуверенно пробормотала София.

– Клянусь тебе, – ответил профессор с решительным видом, а затем крепко сжал руку девочки.

София посмотрела на балюстраду. На ней было много самых разных людей: туристы, целующиеся парочки, несколько подростков, прогуливающих школу.

Глубоко вздохнув, София все-таки решилась. Она сделала первый шаг, затем второй, но уже на третьем в ногах появилась дрожь. Чтобы не смотреть вниз, девочка держала голову строго прямо. Профессор сжимал ее руку, и она чувствовала себя почти в безопасности. И тут она увидела: огромный город раскинулся перед ней во всей своей красоте. Бесчисленное множество крыш и куполов совершенно ошеломило ее. В жизни она не видела ничего подобного, она почти не слышала голоса профессора, указывавшего на главные достопримечательности города. Возможно ли такое, чтобы она была родом из этих мест?

– Я ведь родилась здесь? – непроизвольно вырвался у девочки этот вопрос.

Мужчина кивнул:

– Это твой город, София, твой, насколько таковым может быть этот древний и легендарный город. Здесь живет почти пять миллионов человек и еще почти столько же просто работают здесь. Этот город существует две тысячи семьсот лет. Его детьми были многие поколения людей, воспринимавших его как свой собственный.

София ощущала себя песчинкой посреди этого беспредельного пространства.

«Это не мой дом», – внезапно промелькнуло в ее голове. Быть может, ее дом – мир, ограниченный двором сиротского приюта, а не этот огромный шумный город, раскинувшийся перед ее глазами. В эту минуту девочке и пришел на ум мраморный город из ее сновидений. *Ее* город, *ее настоящий* дом.

Взгляд девочки на мгновение задержался на Пьяцца дель Пололо, скользнул по обелиску и затем вниз. Этого оказалось достаточно. София почувствовала головокружение, к горлу резко подступила тошнота. Она с силой дернулась прочь от балюстрады, и все разом погрузилось во тьму.

– Мне очень жаль... – прошептала София и отпила фруктового сока, когда они уже сидели за столиком в баре.

– Тебе ни о чем не нужно беспокоиться, это не твоя вина, я был не прав, когда настаивал. Выпей еще несколько глотков, и увидишь, тебе станет легче, – подбадривал профессор, понимающе глядя на девочку.

Казалось, что София не вызвала у профессора разочарования, хотя она ощущала себя настоящей размазней.

– Я сожалею, что рассмеялся тогда. Просто мне казалось странным, что такой человек, как ты, боится высоты.

– В каком смысле? – с любопытством спросила София.

Профессор, казалось, несколько смутился. Поправив очки, он огляделся по сторонам.

– Скажем так, твой отец был пилотом... – торопливо и несколько раздраженно заключил он. – Словом, ему нравилось летать.

От этих слов девочка совсем загрустила.

– Это у меня точно не от него.

– Не беспокойся, со временем это пройдет.

София неуверенно улыбнулась.

Они весь день гуляли по городу, осмотрев при этом большую часть центра: площадь Венеции, Кампидолио и его восхитительный вид на Форум, площадь Испании и площадь Навона. Все это София прежде видела только в книгах. В реальности все было просто невероятных размеров. И слишком, почти невыносимо прекрасно. Девочка наблюдала за прохо-

жими, привычно сновавшими перед фонтаном Ди Треви, то и дело задаваясь вопросом: как они могут так равнодушно проходить мимо такой невероятной красоты?

Шлафен оказался весьма приятным и красноречивым гидом. Он обязательно рассказывал что-нибудь о каждом памятнике, и всегда у него имелась в запасе своя история, но София слушала его невнимательно. Она целиком была во власти окружавшего ее величия.

– Что ты о нем думаешь? – неожиданно спросил ее профессор.

– Он восхитительный, – ответила София с улыбкой. Другого определения она не могла предложить.

– Неужели?

Нотки сомнения в голосе профессора заставили девочку обернуться.

– Тебе известно, что это не мой родной город. Я всегда приезжал сюда как турист, при этом постоянно задавался вопросом: как те, кто живет здесь, могут думать, что они принадлежат ему? Это ускользающий город, ты не находишь?

София поразилась тому, как эти слова удивительно точно передавали ее собственные ощущения.

– А в Монако все по-другому? – спросила девочка, наконец найдя в себе силы задать вопрос своему приемному отцу.

– Пожалуй... но даже там я не чувствую себя дома. Такие, как я и, полагаю, как ты, в некотором смысле не имеют родины, верно?

Профессор подмигнул Софии, и та не нашла, что ответить. Странно, но это было именно так.

– У нас есть дом, но он затерян где-то далеко, – добавил Шлафен, в очередной раз поправляя очки. Он часто так делал, в особенности когда смущался или собирался сказать что-то очень важное.

И Софии снова вспомнился город ее снов. Странно, но не было на земле другого такого места, которое бы она, исходя из собственных ощущений, могла бы назвать своим.

Ночь они провели в гостинице, поскольку последний автобус на Альбано уже ушел. Для своей воспитанницы профессор взял одноместный номер. София была тронута до глубины души, увидев, что кровать и шкафчик целиком в ее распоряжении.

– Нравится? – спросил ее приемный отец, стоя на пороге комнаты.

София просто онемела от счастья.

– Фантастика... я никогда еще не спала в таком красивом месте.

– Надеюсь, ты не боишься оставаться одна. Если тебе что-нибудь потребуется, позови меня.

Девочка кивнула, неподвижно застыв у двери. Профессор постоял в нерешительности еще какое-то время, потом повернулся, чтобы уйти. Девочка долго не могла собраться с духом, но, пока еще не стало слишком поздно, она, сжав кулаки, выпалила разом:

– Спасибо! Это был просто сказочный день!

Покраснев как помидор, София стояла потупив взгляд. Несмотря на то что ей не хватило решимости посмотреть в глаза профессора, она чувствовала, что он улыбается.

– Я очень рад. Ты вполне это заслужила.

Затем дверь закрылась, и София впервые в жизни осталась одна.

На следующий день они поехали на метро. София была разочарована подземкой. Прежде всего, она не предполагала, что там будет такая вонь, но это было еще полбеды. Хуже было то, что вагоны ужасно громыхали и раскачивались. Казалось, они неслись с гиперболической скоростью по насквозь пронизывавшим город подземным ходам, и это вызывало страх. Девочке казалось, что вагоны вот-вот слетят с рельсов и все пассажиры разобьются.

Дорога была очень длинной. Остановки следовали без перерыва: «Площадь Испании», затем «Барберини», «Термины», где в вагон хлынул целый поток людей.

– Это вокзал, – пояснил профессор.

Мелькали лица, вагон пустел и снова заполнялся. И так продолжалось до самого «Ананина». В вагоне оставалось только трое: они и еще один пакистанец, который дремал, приклонившись головой к вертикальному поручню.

Свет погас, а потом снова загорелся.

– Это значит, что мы прибыли на конечную станцию, – объявил профессор.

Когда они выбрались наружу, девочке показалось, что перед ними другой город. Они оказались на стоянке городских и междугородних автобусов, неподалеку раскинулись торговые ряды. Дальше проходила очень широкая дорога, по которой на огромной скорости неслись автомобили.

– Это все еще Рим? – недоверчиво спросила София.

– Конечно. У города много разных обликов; достаточно пройти немного, чтобы увидеть разницу. Здесь начинается городская окраина.

София не переставала удивляться разнообразию Рима.

Автобус был синий. Он бурчал, словно старый ворчун. Профессор пропустил вперед сначала девочку, а потом поднялся вслед за нею. Они отыскивали два расположенных рядом свободных кресла и сели.

Профессор усадил Софию у окна.

– Я хорошо знаю эту дорогу, а для тебя она в новинку. Будет справедливо, если у тебя будет лучший обзор, – заметил он с некоторой долей таинственности в голосе.

Девочка не стала сопротивляться: ей не терпелось отправиться в путь. Наконец, когда все пассажиры заняли свои места, автобус тронулся, направляясь в сторону поднимавшейся в гору дороги. София с восторгом, не отрываясь смотрела в окно, стараясь запомнить все, что видит вокруг. Дома поредели и постепенно сменились далеко простирающимися виноградниками. София увидела тяжелые красные и золотистые гроздья. Этот милый извилистый сельский пейзаж внушал ей надежду. Она мечтала о том, что профессор живет именно здесь, в настоящем дворце. Но автобус продолжал следовать дальше. София на мгновение расслабилась в своем кресле. И вдруг почувствовала себя разочарованной – никакого дворца.

Внезапно что-то вновь привлекло ее внимание. Посреди гор показался ярко-синий треугольник. Такой яркий, насыщенный цвет девочка видела только на фотографиях с морскими видами. Она пристально вглядываясь в даль, но видение почти сразу же исчезло.

Однако достаточно было одного поворота, чтобы озеро Альбано явилось перед ней во всей своей красе. Оно не было очень большим: одного взгляда хватило, чтобы объять его целиком. Озеро расположилось между тремя отвесными скалами, словно вода в ванной. Вокруг только покрытые золотом и багрянцем горы, спавшие под лучами зимнего солнца. То тут, то там мелькали зеленые сосны, в то время как впереди красовался непривычный силуэт горы со срезанной вершиной.

При каждом повороте автобуса София нетерпеливо крутилась на своем месте, пытаясь разглядеть озеро получше. Голубая вода была почти совсем спокойной, лишь легкое течение рисовало на ее поверхности тонкие узоры. Кое-где виднелись лодки.

– Когда-то давно здесь ожил вулкан, – сказал профессор за спиной девочки.

София обернулась и увидела его довольную улыбку. Очевидно, мужчина ожидал, что это место произведет на девочку такое сильное впечатление.

– Озеро возникло тысячи лет назад, когда находившийся здесь громадный вулкан начал извергаться настолько неистово, что взорвался.

София живо представила себе картину того, как все это происходило в далеком прошлом. Лава, дым – словом, самый настоящий ад.

– Вулкан взорвался, и на его месте образовался кратер. Прошли годы, века, и вода отыскала себе дорогу. Мало-помалу дожди и реки сделали свое дело, и котлован наполнился. Именно там, где был вулкан, и появилось озеро.

София представляла себе, как просачивавшаяся вода разрушала землю, а потом деревья, как маленькие скалолазы, карабкались вверх, просовывая свои корни в потрескавшийся грунт и подготавливая таким образом почву для травы. Ад медленно отступал, освобождая место зеленому раю, который ныне раскинулся перед глазами. Даже в самых своих сладостных грезах девочка и представить себе не могла, что однажды будет жить в таком прелестном краю.

Автобус остановился на берегу озера, и София сразу же забыла про хорошие манеры. Она бросилась вниз по крутым ступенькам автобуса и, забыв про свой багаж, помчалась к берегу. Впереди раскинулся небольшой пляж с темно-серым песком.

– Ну, как видишь, здесь кое-что еще осталось от вулкана, не так ли? – указывая на песок, весело спросил Шлафен, шагая сбоку от Софии.

София вздрогнула, услышав голос мужчины, она вдруг осознала, что совершенно про него забыла, так поглощена была новыми невероятными впечатлениями.

– Извините, я... – пролепетала девочка, пытаясь любым способом взять у своего спутника чемодан.

– Тебе не о чем беспокоиться. Я рад, что наконец ты начинаешь избавляться от своей скованности. До сих пор ты была слишком зажатой, – возразил профессор.

Сегодня он был одет совсем иначе. На нем были полосатые брюки, черное пальто поверх наглухо застегнутого жилета из шотландки, вместо обычного галстука он повязал бабочку. Но самым любопытным в его одежде были шляпа-котелок и трость с серебряным набалдашником, которой он то и дело вращал в воздухе.

Но София снова почувствовала себя смущенной и настойчиво пыталась взять свой чемодан, она ведь приучена все делать самостоятельно.

– Там, где я живу, автобусы не ходят, поэтому нам придется пройти немного пешком, – объяснил профессор.

Они долго шли по дороге вдоль озера. Казалось, что суматоха Рима добралась и до этих мест. Беспреданно гудели клаксоны автомобилей, скрипели тормоза, и пахло бензином. Софии стало страшно; тротуаров не было, и ей приходилось идти по обочине дороги с согнутой рукой, чтобы чемодан не касался земли, она даже пожалела, что забрала его у профессора. Зато ее приемный отец весьма проворно двигался впереди.

Пройдя довольно приличное расстояние, они подошли к указателю, запрещающему въезд. Начиная с этого места автомобили исчезли. София немного успокоилась. Остановившись на мгновение, она покрепче ухватила за ручку чемодана, теперь уже без опаски можно было шагать дальше.

После нескольких сотен метров, пройденных по дороге, они оказались на открытой площадке, которая, вероятно, в прошлом служила местом для парковки. Теперь совершенно пустынная, она была покрыта ковром из сухих и подгнивших листьев. София, подняв вверх глаза, посмотрела направо и увидела впечатляющего вида скалу, поднимающуюся на головокружительную высоту. Девочка вздрогнула. В этой картине было что-то жуткое.

Профессор посмотрел на нее совершенно невозмутимо:

– Сначала это место было открыто для движения. Но затем скала начала рушиться. Тогда муниципалитет принял решение закрыть дорогу и здесь начались спокойные времена.

София напряглась. И правда, довольно скоро они натолкнулись на первый указатель, предупреждавший о возможном камнепаде. И еще не раз путешественники встречали их на своем пути. София разглядывала скалу, высившуюся справа. Она была черной и гладкой

глыбой и, казалось, несла в себе какую-то мистическую тайну. И это заставило Софию затаить дыхание.

Руки девочки уже заledenели от холода, когда они натолкнулись на странного вида зеленую решетку – это был турникет.

Заброшенного вида узкая дорога, заросшая папоротником и свисавшими сверху лианами, раскручивалась перед ними, как спираль, ведущая к самому центру леса. Слева между скрюченных вязов и дубов, свисавших над водой, проглядывало озеро, в то время как справа в лучах солнечного света темнела каменная стена, отбрасывавшая на тропу тревожные тени. В этих густых и темных зарослях было что-то первобытное и дикое. София вздрогнула. За тысячи лет до того, когда человек начал распоряжаться природой, леса, должно быть, выглядели именно так. Казалось, все растения и деревья враждебно реагируют на вторжение людей в их мир. И девочке померещилось, что за ней следят. Софии представлялось, что с минуты на минуту должно произойти что-то ужасное: падение камней или появление какого-нибудь невиданного зверя. Она отчетливо ощущала, что здесь, в самой глуши, и она и профессор оказались в руках темных сил; и если им удастся добраться до своей цели живыми и невредимыми, то только потому, что этот лес намеренно решил помирить их.

Шлафен шел первым. Он то и дело перепрыгивал упавшие камни, его блестящие туфли сверкали, а трость едва касалась земли. Время от времени он с улыбкой, поправляя свои очки, поглядывал на девочку и шагал дальше.

Повсюду лежали стволы деревьев, поваленных во время обвалов или мощных ливней. Похоже, жизнь в этих местах была суровой даже для растений.

Вскоре изменились очертания озера. Если там, где путешественники вышли из автобуса, его берег был пологим и низким, то здесь грань между ним и сушей была обозначена крутым каменистым откосом, резко уходящим под воду. Водная гладь была ослепительно-ярко-голубой. Сквозь нее прямо у самой поверхности виднелись поднимавшиеся со дна розоватые водоросли, жаждавшие солнца.

София беспокойно оглядывалась по сторонам. Ее мало утешал голос профессора, рассказывавшего, что сам папа римский повелел построить здесь свою резиденцию, чтобы наслаждаться дикой красотой природы. Девочка просто кивала, отказываясь понимать, как и почему кому-то могло нравиться жить в таком мрачном месте.

После первого поворота картина снова изменилась. Тропа взбиралась вверх по крутому склону, а росшие здесь высокие и густые деревья образовывали некое подобие естественной галереи, погружая дорогу в полумрак.

– София, мне очень жаль, что я заставляю тебя идти так долго. Но, как видишь, другого способа добраться сюда нет, и даже если бы он был, я бы ни за что не воспользовался им. Нужно уважительно относиться к природе, особенно если она так прекрасна.

– Конечно, – заметила София тяжело дыша.

Она начинала догадываться, в чем заключается подвох. Отныне ей придется жить в уединенном месте, по меньшей мере таком же изолированном от мира, как и сиротский приют, посреди леса, в котором, кроме мрака, нет ничего сказочного, и к тому же с типом, который собирается использовать ее бог весть для какой работы. Из груди девочки вырвался слабый стон.

Как она ни старалась приподнять свой чемодан, он волочился по земле, оставляя после себя борозду, и то и дело наталкивался на торчавшие на дороге камни. Когда, споткнувшись, она в конце концов упала ничком на землю, профессор сразу же опомнился. Он подпрыгнул, как горный козел.

– Я очень сожалею, я очень сожалею, – запричитал он с печальным выражением лица. – Я же просил тебя не забирать у меня твой чемодан!

Он нагнулся, чтобы помочь Софии встать. Когда девочка снова оказалась на ногах, он принялся отряхивать сухую листву с ее пальто, энергично похлопывая ладонью.

– Не стоит... я... – попыталась воспротивиться София, но это оказалось бесполезно.

Девочка покраснела: она не привыкла к такому близкому контакту. В приюте такого почти никогда не случалось, и, почувствовав на своей спине руки человека, который, по сути, был для нее совершенно незнакомым, она отчаянно смутилась. К счастью, это продлилось недолго. Удовлетворенный своей работой, профессор распрямился, а затем снова поправил очки. София подняла глаза и онемела на мгновение.

Вилла возникла перед ней совершенно неожиданно. Она стояла в окружении больших деревьев, одно из которых возвышалось прямо из крыши дома, отбрасывая на него тень своей густой кроной. По обеим сторонам входа стояли статуи двух огромных драконов с разинутой пастью, охраняющих жилище, построенное в превосходном стиле девятнадцатого века. Снаружи вилла была отделана деревом и покрашена серой краской, облупившейся в некоторых местах из-за высокой влажности, крыша состояла из плотно пригнанной друг к другу черепицы. Почти все зеленые ставни на окнах были закрыты. Впрочем, какой смысл открывать их: света было так мало, что даже в полдень из-за густой растительности внутри стояли сумерки.

Девочка вдруг вообразила, что этот дом не настоящий. Казалось, будто он попал сюда прямо из другой эпохи, София почувствовала себя разочарованной. Во-первых, дворец принцессы, который она ожидала увидеть, в действительности оказался заброшенным домом, затерянным где-то в небытии. И потом, он вызывал явную тревогу. Ну кто мог жить в таком странном месте? Кем в действительности был Георг Шлафен и почему он захотел взять ее к себе?

– Добро пожаловать, – произнес профессор, который, очевидно, не заметил замешательства девочки. Улыбаясь во весь рот, он остановился прямо напротив входной двери.

София медленно шагнула вперед. Вблизи дом выглядел еще более мрачно. Сбоку от двери имелась латунная кнопка, которая, по всей видимости, служила звонком, табличка над ней гласила: «Добро пожаловать», но девочка была совсем не в духе, чтобы по достоинству оценить это приветствие. Это показалось ей даже чем-то вроде издевки.

– Ну же, звони, – подтолкнул он девочку.

София боязливо протянула вперед палец. Едва прикоснувшись к металлической кнопке, она тут же услышала донесшийся изнутри дома перезвон множества колокольчиков. Дверь отворилась, на пороге появился напояженный дворецкий и оглядел ее с головы до ног. Так же как и Шлафен, он имел вид человека по крайней мере из прошлого века: он был лысым, но при этом с пышными седыми усами. На нем был безупречный черный фрак с большими медными пуговицами и ослепительно-белоснежная рубашка. Его талия была опоясана длинной красной полотняной лентой. Внешне он сильно смахивал на статуи безупречных официантов, которые стоят иногда при входе в некоторые рестораны.

– Добро пожаловать, синьорина София, – сдержанно и с явно выраженным немецким акцентом произнес этот человек. – Добро пожаловать и вам, синьор, – добавил он, низко кланяясь.

– Довольно, довольно, Томас, – ответил профессор, махнув рукой. – София, проходи.

Он был сильно взволнован, девочка поняла это по его голосу. Он легонько подтолкнул Софию вперед, положив руку ей на спину, и девочке не удалось воспротивиться. Дворецкий посторонился, и прямо перед ней открылась прихожая, сплошь устеленная коврами и декорированная драпировкой. Массивная мебель из резного эбенового дерева занимала большую часть пространства, но больше всего девочку поразили расписные мраморные статуи драконов; они настолько поразили ее воображение, что она не могла вымолвить ни слова.

– Синьор, не желаете ли вы, чтобы я проводил синьорину? – услужливо поинтересовался Томас.

– Нет, Томас, спасибо, я сам это сделаю.

Профессор подвел Софию к двери, за которой открылась длинная анфилада темных комнат, заставленных стеллажами с книгами. Пол был застелен темно-красным ковром, а стены обиты тканью. Повсюду горели свечи, электричество явно отсутствовало, каждую комнату украшал большой камин. Царивший повсюду полумрак казался гнетущим еще и оттого, что расположение комнат было весьма необычным и даже хаотичным. Границы комнат были неправильными, коридоры узкими и извилистыми, в то время как висевшие на стенах зеркала увеличивали каждое помещение до бесконечности, создавая впечатление лабиринта. Темный цвет мебели и неестественная витиеватость узоров вовсе не смягчали тягостную атмосферу дома, а насыщенный, с фруктовым привкусом запах свечей, наполнявший каждый уголок, очень сильно напоминал Софии запах ладана часовни приюта. У девочки закружилась голова.

– А это мой кабинет. Завтра я расскажу тебе, чем ты там будешь заниматься. О, а это музыкальный зал. Тебе нравится Бах? Я его обожаю, божественная музыка... А это столовая. Красиво, не так ли? Ну и конечно, библиотека.

На этот раз София, которая вплоть до сего момента переходила из зала в зал, лишь смущенно кивая, застыла на месте. Они оказались в помещении пятиугольной формы, вдоль стен которого стояли деревянные книжные шкафы, возвышавшиеся до самого потолка. Центр каждого шкафа украшали искусно вырезанные головы драконов. Софию они пугали и удивительным образом притягивали. Здесь было великое множество книг разной формы и содержания: старинные, с тяжелыми металлическими накладками, современные в картонных переплетах, скрепленные застёжками или резинками, маленькие и истертые. Это было просто невероятно. Впервые с того момента, как девочка переступила порог этого дома, она не испытывала ни страха, ни робости.

«Человек, который так любит книги, не может быть плохим», – подумала она.

Но, наверное, самым впечатляющим было дерево. София не ошиблась, увидев его еще издали. Оно росло как раз посреди комнаты, прямо из пола, и карабкалось вверх, исчезая где-то за крышей. Огромный древний дуб, казалось, рос прямо из фундамента. Вокруг него вилась винтовая лестница, которая также вела наверх.

– Что ж, хорошо, – с удовлетворением заметил профессор, а затем посмотрел на Софию. – Тебе нравится?

Девочка кивнула, натянуто улыбаясь. Эта комната действительно восхищала ее, но она все еще была слишком подавлена самой атмосферой виллы.

– Дом как раз и был построен вокруг этого дуба. Он так прекрасен, что рубить его мне показалось грешно. – Профессор сказал это с такой простотой, будто говорил о самых естественных в мире вещах. – Твоя комната наверху, – добавил он.

Мужчина поставил ногу на первую ступеньку лестницы, обвивавшей дуб, и протянул Софии руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.